

The background of the entire cover is a photograph of a sunset over a calm sea. The sun is a bright, glowing orb in the upper right, casting a shimmering path of light across the water's surface. A small sailboat is visible on the horizon line in the distance. The sky is a gradient of warm orange and yellow tones.

Татьяна
Ерицук

Роман в
утешение

Книга первая

Роман в утешение

Татьяна Герцик

Роман в утешение. Книга первая

«Дана Хадсон»

2012

Герцик Т.

Роман в утешение. Книга первая / Т. Герцик — «Дана Хадсон»,
2012 — (Роман в утешение)

Что делать умной и решительной женщине, если любимый муж встретил другую, а сама она ненароком стала любовницей олигарха? Конечно, разлюбить мужа и сбежать от любовника...

© Герцик Т., 2012
© Дана Хадсон, 2012

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	16
Глава третья	29
Глава четвертая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Татьяна Герцик

Роман в утешение. Книга первая

Глава первая

Георгий стоял вполоборота ко мне и с заметным лишь мне неодобрением искоса за мной наблюдал. По его чуть нахмуренным бровям я ясно читала упрек в непростительном легкомыслии. Это было немного обидно, но всё же отчасти соответствовало истине – сегодня я и впрямь вела себя несколько беспшабашно. Во всяком случае, Борис, рассказавший мне полуприличный анекдот и с удовольствием слушавший переливы моего мелодичного смеха, думал именно так. Возможно, он даже решил, что, не будь рядом со мной мужа, он мог бы позволить себе куда большее, но ошибался. Наедине я с ним и разговаривать бы не стала. И не только с ним – ни с кем.

Я со своей стороны тоже могла бы предъявить мужу кой-какие претензии – до сего момента он совершенно не обращал на меня внимания, увлекшись беседой со своим замом, чопорным и нудным Павлом Ивановичем Минским, бросив меня одну-одинешеньку посредине зала, что было по меньшей мере неприлично.

Борис, заметивший мою неприкаянность, принес мне фужер с шампанским, и мы, присев на длинный низкий диван у стены, непринужденно болтали и смеялись. На первый взгляд нас можно было принять за давних знакомцев, но познакомились мы только сегодня на очередной институтской тусовке.

Мне ее, как жене генерального директора, избежать было совершенно невозможно, хотя я и не любила появляться среди коллег мужа. Может быть потому, что на меня тут же устремлялись десятки изучающих женских взглядов, в которых я читала одно: и что Георгий Александрович в ней нашел?

Вопрос для меня был довольно болезненным, и я всеми силами старалась его избегать. Вот поэтому, встретив сочувствующий взгляд, я не удержалась и откликнулась на теплоту, которую он излучал. Но Борис совершенно неверно истолковал мою к нему симпатию. Указав бровями на коридор, он интимно предложил:

– Может быть, нам стоит выйти, чтобы не раздражать босса?

Кокетливо дернув плечиком, я возразила:

– А вы не боитесь, что после подобного со мной randevu вам здесь больше уже не работать?

Он удивился.

– Неужели Георгий Александрович столь ревнив? Что-то не верится, если честно.

В моей душе всё сжалось, но внешне моя боль никак не проявилась. Я не люблю демонстрировать свои чувства кому бы то ни было. Поэтому легкомысленно ответила:

– Не знаю, мне его ревность вызывать еще не доводилось.

Закинув свою руку на спинку дивана так, что его длинные сильные пальцы касались моих оголенных плеч, Борис приглушенно предложил:

– Может быть, попробуете? Я его гнева не боюсь.

Снова негромко рассмеявшись, я откинула голову назад, стараясь выглядеть этакой светской львицей, которой всё нипочем. Но ответила осмотрительно:

– Извините, но я и пробовать не стану. Слишком дорожу своим местом, знаете ли.

Эта глуповатая двусмысленная фраза его несколько озадачила, и он пропустил момент, когда меня сердитым кивком головы подозвал к себе Георгий. Это было не слишком любезно, но я, как вышколенная собачонка, тотчас примчалась на зов хозяина. Встав рядом с ним,

вопросительно посмотрела на его бесстрастное лицо. По-хозяйски взяв меня под руку, он продолжил разговор с Минским.

– Конечно, моя жена очень похожа на мотылька, но она прекрасно знает, что огонь жжется, и никогда не станет подвергать риску опалить свои прелестные крылышки. – И с лукавой искоркой в глазах повернулся ко мне: – Не так ли, дорогая?

Это было уже не смешно, а унизительно, но я и бровью не повела. Раз уж меня здесь считают безмозглой бабочкой, то я вполне могу соответствовать этому мнению на все сто процентов.

С чуть заметным вызовом хихикнув, подтвердила:

– Всенепременно, дорогой! – при этом и невооруженным взглядом было видно, что такая пустышка, как я, не в состоянии даже понять, о чем идет речь.

Минский с плохо скрытым брезгливым презрением поклонился и ушел, считая унизительным даже стоять рядом со мной, недостойной.

Георгий сильно сжал мне руку и как-то чересчур спокойно поинтересовался:

– Ты что, выпила сегодня лишнее?

Пару бокалов шампанского вряд ли можно было назвать лишним, поэтому я откровенно ответила:

– Нет, конечно. С чего ты взял? – возможно, в моем голосе проскочили возмущенные нотки, потому что Георгий как-то странно на меня посмотрел.

Успокаивающе похлопав меня по ладони, он, не выпуская моей руки, пошел дальше, перебрасываясь с коллегами ничего не значащими фразами о погоде, плане и правительственном заказе, полученном на днях.

Проходя мимо стайки хорошеньких сотрудниц, он приостановился, чтобы сделать какой-то незамысловатый комплимент. Одна из них, слишком оживившись, с неприятным для меня огнем во взоре возбужденно заявила:

– Я нашла нечто очень интересное по нашей теме, профессор! Можно мне подойти к вам в понедельник и всё рассказать? – это прозвучало так, будто речь шла вовсе не о науке, а о чем-то сугубо личном.

Мне показалось, что рука мужа дрогнула, и я насторожилась. Что это? Я не думала, что передо мной банальный адюльтер, но всё равно было здорово досадно. Особенно после того, как девица, полуприкрыв глаза мерцающими веками, посмотрела на меня слишком уж снисходительно, как на недалекого малыша.

Мне это не понравилось, но на моем лице не дрогнул ни единый мускул. Георгий с некоторой опаской кинул на меня изучающий взгляд, но я продолжала всё так же мило улыбаться бессмысленной кукольной улыбкой, и он решил, что я вновь ничего не заметила.

Молча потягивавший шампанское Борис следил за нами издали, не решаясь подойти, и я мысленно поблагодарила его за это. Мне он был вовсе неинтересен. Вот собственный муж – да. Но, боюсь, мой интерес всегда был слишком односторонним.

Георгий раскланялся с дамами, и мы продолжили традиционный обход. Нас задержал еще один из старых сотрудников института, не помню его имя-отчество. Он пустился в такие заумные рассуждения о технических тонкостях нового заказа, что я чуть не зевнула во весь рот.

Перед нами висело большое, до потолка, зеркало, и я от нечего делать принялась сравнивать себя с Георгием. И зря, потому что у меня тут же бесповоротно испортилось настроение. Несмотря на хорошую фигуру и тонкую талию, рядом с ним я смотрелась мелко, и положение не спасало даже красивое вечернее платье, сшитое мной самой по собственной выкройке.

Оно было из ниспадавшего легкой невесомой волной темно-синего натурального шелка, призванного сделать глубже цвет моих голубых глаз. Будучи на тоненьких, почти незаметных бретельках, платье оголяло мои довольно-таки приличные плечи с легким золотистым зага-

ром. Крепкая и высокая грудь тоже была неплоха, и чуть рыжеватые волосы пышной волной ниспадали, как это пишется в любовных романах, до плеч, но вот общее впечатление было бледновато.

Еще бы, такому красавцу, как Георгий, трудно соответствовать, особенно когда он одет в идеально сидящий на нем черный смокинг с белой накрахмаленной манишкой и жемчужной бабочкой. Ему сорок, самый расцвет жизни, он обладает крепкой мужественной фигурой. Его коротко стриженные каштановые волосы отливают на висках благородной сединой. Серые пронизательные глаза пронзают насквозь, что-либо скрывать от него бесполезно.

На мой пристрастный взгляд, мой муж гораздо лучше, чем все зарубежные и отечественные киногерои, вместе взятые. Хотя бы потому, что он не на экране, а рядом, и до него можно дотронуться рукой.

Я так и сделала, ласково положив ладонь на его сжатые в кулак пальцы. Он с некоторым удивлением посмотрел на меня и нехотя, для проформы, улыбнулся. Я нежно улыбнулась ему в ответ, и он отчего-то измученно прикрыл глаза. Устал?

Я его вполне понимала – я и сама здорово устала. Сегодняшний день выдался на редкость суматошным, и мне хотелось не дефилировать по огромному залу, собирая любопытные взгляды, а тихо сидеть дома в своем любимом кресле, обдумывая очередной интерьер.

Собеседник Георгия, заметив наши переглядки, с некоторым пренебрежением заявил:

– Вы всё так же нигде не работаете, Маргарита Викторовна?

Я и в самом деле не хожу на службу, как это делает большинство жителей нашей страны, но сказать, что я не работаю, было бы дезинформацией. Я довольно известный в Нижнем Новгороде дизайнер, и порой зарабатываю больше, чем Георгий. Но в моем характере есть необычная черта – я никогда не обманываю ожиданий собеседников. И на этот раз, как всегда, ответила с нарочитым легкомыслием:

– Конечно! А зачем мне работать, если у меня такой замечательный муж?

Скривившись от лицемерия столь явной бездельницы, пожилой мужчина стремительно откланялся, не желая продолжать со мной никчемный разговор. Посмотревший на меня сквозь ресницы Георгий ничего не сказал, но я поняла, что он не слишком доволен моим фанфаронством. Что ж, я не помню, чтоб он когда-либо был мной доволен. Какой-нибудь сделанной мной ерундой – да, но не мной, конкретно Абрамовой Маргаритой Викторовной.

Может быть, именно поэтому я ему о своих делах практически ничего не говорю. Конечно, это так мелко – отделка каких-то ничтожных квартир и коттеджей по сравнению с его великими трудами! Хотя, чисто для равновесия, и он мне о своих ничего не говорит. Это оправдано – институт выполняет множество секретных заказов, о которых посторонним знать не положено. Георгий говорил мне это столько раз, что я давно усвоила, что из разряда постоянных в разряд доверенных лиц мне не перейти никогда. Ну и не надо, я вовсе не этого хочу.

Наконец муж счел свою ответственную миссию выполненной, и, распрощавшись с ближайшими друзьями, вышел на улицу. Вслед нам по коридору пронесся обрадованный гул, дошедший до всех закоулков. Вот наглядный пример того, как отъезд большого начальника облегчает жизнь подчиненных. Совершенно уверенная, что именно сейчас и начнется настоящий праздник, во время которого не раз еще перемоют мои бедные косточки, я села в нашу машину и с любовью посмотрела на мужа.

Его чеканный профиль резко выделялся на темном стекле. Я молча, всё с такой же мягкой улыбкой наблюдала за его сосредоточенными действиями. Георгию не так уж часто приходится водить машину самому, поэтому сейчас он предавался этому захватывающему занятию всем своим существом, совершенно не обращая внимания на мои изучающие взгляды.

Это меня вполне устраивало. Я так редко могу полюбоваться собственным мужем, что ценю такие минуты на вес золота.

Мой взгляд упал на его крепкие руки, уверенно держащие руль, и я вздрогнула, представив, как вечером они так же крепко и уверенно будут держать меня. Несмотря на солидный стаж супружеской жизни, я до сих пор млела в объятиях мужа, и, мне кажется, так будет всегда. Единственное, что меня расстроило, или нет, не расстроило, а внесло некоторый диссонанс в мое безоблачное настроение – это отсутствие на его руке обручального кольца. Ну, не любит он такие вещи, что поделаешь.

Я невольно перевела взгляд на свою правую руку, где на безымянном пальце красовалось изящное золотое колечко. На регистрации в конце далеких восьмидесятых колец у нас не было, и на безымянные пальцы друг другу мы их не надевали. Я купила это колечко позже, чтобы на меня, ходившую с огромным животом, в моем архитектурно-строительном институте не смотрели как на девицу определенного сорта. В самом деле, не будешь же всем рассказывать, что замужем, и махать паспортом со штампом о браке. С тех пор я его не снимаю, помня напутственные слова бабушки: если жена не носит обручального кольца, у мужа не будет удачи, а если не носит муж – у жены не будет здоровья.

Но пока, слава Богу, у меня никаких проблем со здоровьем не было, хотя Георгий никогда никаких колец не носил.

Муж высадил меня у нашего подъезда, а сам отправился ставить машину на платную стоянку, расположенную в соседнем квартале. Поднявшись к себе, я разделась, и, переодевшись в удобный домашний костюм из плотной байки, который сконструировала и сшила сама, как и многое другое в своем доме, пошла на кухню, повязалась цветастым фартуком и встала к плите.

Георгий всегда любил вкусно поесть. Просто удивительно, как он до сих пор умудрился сохранить юношескую стройность фигуры. Но за это надо благодарить тренажерный зал, который он посещал с завидной регулярностью. У меня на такую самодисциплину никогда бы духу не хватило, но мой муж всегда был на редкость целеустремленным человеком.

Через пятнадцать минут на столе уже стоял легкий ужин, и в дверях раздался звук поворачиваемого ключа. Я торопливо вышла в прихожую. Губы сами растянулись в радостную улыбку. Вот Георгий аккуратно притворил дверь и обернулся ко мне с чуточку недовольным выражением лица. Что ж, похоже, мой флирт с Борисом задел его несколько сильнее, чем он хотел мне показать.

Привычно чмокнув меня в щеку, переоделся, аккуратно повесил в шкаф на вешалку свой смокинг, прошел в ванную, ополоснулся и сел за стол. Я ждала нотации по поводу своего сомнительного поведения, но ее не последовало. Возможно, Георгий решил, что и сам вел себя не лучшим образом? Хорошо, если бы это и в самом деле было так.

Я подала ему легкий супчик, чтобы не перегружать на ночь желудок. Годами отработанный ритуал. Зачерпнув первую ложку, он проглотил ее и обратился ко мне с привычным вопросом:

– Как там мальчишки?

Наши сыновья-близнецы Антон и Артем в прошлом году поступили в МГУ и весь год жили в Москве у сестры Георгия Шуры. Мне здорово повезло с золовкой. Мы с ней относились друг другу скорее как сестры, чем родственницы по мужу. Она мне очень нравилась – всегда энергичная, веселая, доброжелательная. Хорошо, что она решительно воспротивилась мальчишескому желанию племянников вырваться на свободу и жить в общежитии.

Будь я на ее месте, даже не знаю, пошла ли бы я на такой подвиг – ведь только еды для двух здоровых парней надо готовить во много раз больше, чем на себя с дочкой. Но с той поры, как от нее ушел муж к молодой девахе, немедля родившей ему сына, Шура чувствует себя потерянной и никому не нужной. Я ее даже и утешать не пытаюсь. Как тут утетишь, если Анатолий всегда был для нее единственным светом в окошке.

Обычно мы с Георгием звоним сыновьям по очереди – он в среду, я в субботу. Сегодня была моя очередь, и я днем с ними немного поболтала, о чем и доложила Георгию:

– Всё нормально. Все живы-здоровы. Экзамены сдают хорошо. Шура передавала привет. Кстати, к нам они после сессии ехать не хотят. Поедут в Палангу.

На это муж лишь пожал плечами. Конечно, в Литве удовольствий и развлечений куда больше, чем в Нижнем. И главное из них – Балтийское море. Да и в Швецию или Финляндию махнуть не проблема. К тому же дедушка с бабушкой, не в пример строгим родителям, позволяют любимым внукам практически всё.

– Что ж, пусть едут. В родительском пансионате вполне достаточно места для двух парней. Настя тоже едет?

Настя была единственной дочерью Шуры. Ей было уже двадцать, она училась на юрфаке и считала себя куда умнее и деловитее своей матери.

– Не знаю. Вполне возможно, что нет. Анатолий наверняка отправит ее в очередное путешествие по Европе. Скорее уж она поедет в Афины или Венецию, там она еще не была.

Георгий не слишком одобрял подобное поведение, но, поскольку напрямую оно его не касалось, промолчал.

Поужинав, вежливо поблагодарил меня и встал. Когда он проходил мимо, я легко погладила его по плечу. Мне всегда неизъяснимое удовольствие доставляли даже самые мимолетные к нему прикосновения. Мне хотелось прижаться к нему, ощутить силу его крепких рук, но я сдержалась, хотя и почувствовала некоторую обездоленность, когда муж, даже не взглянув на меня, ушел в свой кабинет.

Я негромко проговорила вслух «муж» и счастливо рассмеялась, как глуповатая влюбленная девчонка. Что ж, я себя таковой и ощущала. С легким вздохом посмотрев вслед Георгию, быстро прибрала на кухне и побежала к своему компу оформить в уже готовые картинки то, что хотела предложить очередному клиенту для его строящегося на берегу Волги коттеджа.

В пол-одиннадцатого выключила комп и занялась собой. Вылив в воду полколпачка голубоватой пены с несколькими каплями любимого мной персикового масла, добавила пригоршню ароматической соли и легла в ванну. Поблаженствовал с полчаса, выбралась из нее, обкатилась прохладной водой и пошла в спальню, предвкушая появление мужа.

В самом деле, минут через десять Георгий присоединился ко мне, и я с сильно забившимся сердцем подставила ему губы. Он с силой прижался к ним, и меня пронизал обжигающий трепет. Его горячие ладони прошли по моему ставшему невозможно чувствительному телу, и я, чуть подрагивая, придвинулась к мужу вплотную, прося большего.

Потом он уткнулся в мое плечо и замер, положив на мою талию свою надежную руку. Мне очень хотелось спросить, любит ли он меня, чтобы заглушить грызущего меня изнутри очень вредного червячка, но каким-то чудом мне удалось сдержаться.

Георгий вдруг напрягся и с явным пренебрежением заметил:

– Наконец-то ты перестала талдычить о любви. Выросла, что ли?

Меня будто облили холодной водой. В груди что-то заледенело, но я безмятежно спросила:

– Тебе это надоело?

Он вздохнул с чуть слышимой досадой.

– Да есть немного. Одно и то же надоедает, знаешь ли.

Вот как, а я и не догадывалась. Обида черной желчью подступила к горлу, но я высокомерно улыбнулась. Это заслуга мамы – я умею держать удар при любых обстоятельствах и никогда не показываю вида, как же мне на самом деле больно. Но не потому, что мать у меня сама стоик, а потому, что я много лет была у нее девочкой для битья. Покажешь, что тебе больно или вздумаешь искать сочувствия и утешения – тут же получишь еще большую порцию оскорблений. Может быть, потому я и прикипела так сильно к Георгию, что он никогда меня не унижал?

Ответила с нарочитым форсом, которого на деле не было и в помине:

– Я это учту.

Ничего не ответив, он крепче прижал меня к себе и заснул, чуть посапывая мне в шею.

Обычно я тоже сразу расслабляюсь и спокойно засыпаю. Но сейчас жгучая обида не давала сомкнуть глаз. Мне даже руки Георгия, обычно такие желанные, мешали, и я, стараясь двигаться как можно осторожнее, выбралась из кровати и пошла в соседнюю комнату. Встала у окна, прислонилась лбом к холодному окну и уставилась в прозрачное стекло, наблюдая за отблесками проезжающих по дороге машин.

Глаза тут же наполнились горькими слезами, а сердце – предчувствием беды. Крепко зажмурившись, я истово прошептала:

– Господи, отведи беду от нашей двери! Пусть в нашей жизни всё будет хорошо!

Не знаю, сколько бы я так простояла, если бы за спиной не слышались шлепающие шаги и сонный голос недовольно проговорил:

– Хватит уже изобретать для своих интерьеров сногшибательные решения! Спать давай!

Обхватив за плечи, Георгий увел меня в спальню. Снова обнял меня, прижал к себе и мгновенно отключился. Похоже, без меня он спать не может. Я без него не могу тоже, но я-то потому, что мне без него отчаянно одиноко, а вот он во мне, похоже, видит только удобную грелку.

Но утром, при свете яркого солнца, я решила, что все мои страхи навеяны темнотой. Я же по гороскопу рак, к тому же рождена в понедельник, так что я дважды человек луны. А прошлой ночью было новолуние. Этим и объясняется моя пустая нервозность.

В конце июня мальчишки сдали экзамены за первый курс и благополучно перешли на второй. Мы с Георгием съездили на недельку в Москву, попытались уговорить сыновей приехать на каникулы домой. Но они не согласились. Их больше манило Балтийское море, чем родная Волга. А вот меня никуда не тянуло. Может быть, оттого, что Георгий не мог надолго уехать из Нижнего, а без него мне было ужасно одиноко? К тому же он был категорически против моих без него поездок куда бы то ни было.

В начале июля в Нижнем стояла нестерпимая жара, и народ с трудом сдерживал то и дело прорывающееся раздражение. Меня тоже многое нервировало, но особенно доставали автомобильные пробки, из-за которых я теряла уйму времени на разъезды по заказчикам. Если бы не моя страсть к любимому делу, от многих заказов я бы попросту отказывалась, но одна только возможность снова выбрать стиль и обстановку для, как правило, целого дома, доставляла мне истинное удовольствие.

Забывая обо мне, Георгий периодически просил меня не работать в такую жару, но меня подстегивали пренебрежительные слова его коллег о моей никчемности. Я и сама понимала, что это глупо, но старалась ни в чем не отставать от мужа и приносить в дом столько же денег, сколько и он. Хотя я никогда не знала, сколько зарабатывает Георгий. Мне вполне хватало и того, что он мне давал.

Я не понимала тех женщин, которые считали, что всё заработанное мужем должно отдаваться им, и потом выдаваться скухими порциями чуть ли не под расписку. У нас в доме такого никогда не было – Георгий выделял мне столько, сколько считал нужным, остальное оставляя себе. Этого вполне хватало на хозяйство, и заработанные мной деньги я тратила главным образом на мальчишек, ведь жизнь в столице очень дорога, к тому же там столько соблазнов. Но на моем счете в банке всегда лежала некоторая сумма про запас.

Вернувшись в душный город из прохладной лесостепи, где стоял дом очередного заказчика, я тихо изнывала от жары и задыхалась от мерзкого запаха плавившегося под солнцем старого асфальта. Прочно застряв на одной из центральных улиц в самой середине нескончаемой пробки, я рассеянно барабанила кончиками пальцев по рулю, выбивая какой-то дикий африканский ритм.

Похоже, я зря надеялась проработать сегодня довольно сложную цветовую гамму, запрошенную заказчиком. Можно было, конечно, возить с собой ноутбук и в такие моменты работать на нем, но это было слишком рискованно – я вполне могу увлечься и попасть в какую-нибудь неприятную историю. Во всяком случае, Георгий категорически против. А его слово для меня закон. Во всяком случае, я никогда не пыталась оспаривать его решения. Зачем? В них всегда присутствовал здравый смысл, то есть то, чего мне порой остро не хватало.

Требовательно пропел сотовый. Я посмотрела на дисплей, и мое и без того отнюдь не радужное настроение стремительно испортилось. Звонила мамуля. В своей обычной безапелляционной манере потребовала:

– Маргарита, приезжай сейчас же ко мне, есть срочное дело! – и отключилась, экономя деньги.

Можно было перезвонить и отказаться, но я никогда не тратила силы на напрасное сопротивление. Поэтому спокойно положила телефон на место и продолжила свое занятие по отбиванию туземных ритмов. Через полчаса этой псевдоезды, мне, благодаря микроскопическому размеру моей мини, всё-таки удалось прошмыгнуть в узенькую боковую улочку, и я уже без проблем доехала до мамули.

Открыв мне дверь, мать тут же прошла на кухню, совершенно уверенная, что я иду следом.

Я не обманула ее ожиданий, безропотно проследовав за ней, как и все предыдущие годы. Усевшись за пустой стол, – мамуля никогда не предлагала мне даже чаю, – выслушала ее недовольное заявление:

– Костя зря съездил в Пореченск.

Я и не знала, что брат был в городке, где стоял бабушкин дом. Но для меня это не было новостью. Мать с братом, как правило, ставили меня в известность о своих делах только тогда, когда хотели от меня что-то получить.

– Дом продать ему не удалось.

Меня будто кто царапнул по сердцу ржавым гвоздем, и я непроизвольно нахмурилась. Мне до слез было жаль бабушкин дом. Я любила его, с ним было связано столько теплых воспоминаний.

– Зря я деньги тратила, доверенность на него выписывала.

Это заставило меня насторожиться. Почему? Бабушка умерла почти полгода назад, мать была уверена, что дом отошел ей, как единственной наследнице.

– В городской администрации ему отдали завещание, которое она сделала лет пять назад. Там всё отписано тебе. – Материн голос зазвенел неприкрытой злостью.

У меня от неожиданности даже голова закружилась. Вот это да! А ведь бабуля никому ничего не говорила. Какой же она хороший конспиратор, как выяснилось.

Внимательно следившая за моей реакцией мать решила, что я здесь всё-таки ни при чем, и скомандовала:

– В общем, так: поезжай в Пореченск! Дом продашь, деньги отдашь Косте, они ему сейчас очень нужны.

А может, они и мне очень нужны? Но мамуля уверена, что у меня и без того всё есть, а вот у ее любимчика Константина – ничего. По ее мнению, судьба упорно подсовывала ему вместо козырей жалкие шестерки. То очередная жена не стоила такого милого мальчика, то его ни за что ни про что с работы выгоняли, а теперь еще и бабулин дом оказался не у него, а у меня, недостойной.

Решив, что сказала вполне достаточно, мамуля встала и пошла к выходу, прохаживаясь насчет непорядочности бабули. Я молчала, да моего мнения никто и не спрашивал. Подразумевалось, что я безропотно сделаю всё, что мне велено.

Уже у выхода мать язвительно поинтересовалась:

– Как там Георгий? Любовницу еще не завел? Пора бы уже. Козлы они козлы и есть, кем бы ни прикидывались.

Я вскипела. Что за мамаша у меня! Ей бы только позлословить, ей так жить интереснее. Но сдержалась, не желая доставлять ей удовольствия своей обидой. Совершенно спокойно, будто ее уколы меня никоим образом не задевают, ответила:

– У нас всё хорошо. – На что мамуля скорчила пренебрежительно-неверяющую гримасу.

Выйдя из старой пятиэтажки, я села в свою машинку и, потихоньку выбираясь на шоссе, призадумалась. Разница между мной и братом всем бросалась в глаза. Мы с детства были такие разные, и по повадкам, и по внешности, да и отношение родителей к нам было настолько отличным, что я долгое время думала, что меня удочерили.

Но как-то лет в шестнадцать, не выдержав очередных попреков матери, я пожаловалась на нее бабуле, и она мне объяснила, что я вовсе не приемный ребенок.

Просто когда-то отец уходил из семьи, встретив более подходящую ему женщину. Матери, чтобы сохранить семью, пришлось наврать ему, что беременна. Он вернулся, и мамуле ничего не оставалось, как придумать меня. Отец, конечно, догадался о подлоге, поскольку обещанный ребенок родился почти на полгода позже положенного, и считал меня разлучницей. А мамуля, так и не простившая папашку, тоже видела во мне досадную оплошность, постоянно напоминавшую ей о предательстве мужа.

По сути, я никому не была нужна, кроме бабушки. Ее я и любила за всех своих родственников, вместе взятых. Поэтому, когда она этой зимой умерла, мне было очень тяжело. Думаю, я не переживала бы так из-за кого из своих более близких родичей. И вот посмертный бабушкин подарок – любимый мной старый дом.

Как мне не хотелось его продавать, просто жуть. Но моя практичная мамуля и в этом права – в таком доме кто-то должен жить постоянно, а не наездами. За ним нужно следить, как за каждым старым домом.

Я там жить не смогу, значит, его всё равно придется продать. А насчет денег, в принципе, они мне и в самом деле не так уж и нужны. Я и сама зарабатываю неплохо, не говоря уже о Георгии.

Добравшись наконец домой, скоренько приняла душ, смывая пот и грязь с уставшего тела, и кинулась на кухню. Скоро должен был прийти мой голодный мужчина, а у меня еще шаром покати. Наскоро приготовила зразы с ветчиной и цветную капусту на гарнир.

Время подходило к семи, и я в охотничьей стойке застыла у дверей, почему-то необычайно сильно желая посмотреть в любимое лицо. Может быть, неосознанно искала утешения и защиты, что со мной частенько бывало после общения с мамулей? Но прошло семь часов, потом восемь, а Георгия всё не появлялся. Я начала беспокоиться. Обычно он всегда предупреждал меня, если задерживался.

Но сейчас звонка не было. Когда часы пробили девять, я сама набрала его номер. Сначала рабочего телефона, надеясь, что он просто заработался, потом сотового. На работе трубку никто не взял, а сотовый индифферентно ответил:

– В данный момент абонент недоступен.

Я зябко поежилась от накотившей душным комом безумной тревоги. Не может же быть, чтобы Георгий отключил телефон? Но и вовремя зарядить свой сотовый муж никогда не забывал, он же на редкость обязательный человек. Что же случилось? На душе становилось всё тяжелее и тяжелее.

Терзали дурные предчувствия, я их старательно прогоняла, пытаюсь сохранить тающее присутствие духа. Но в десять часов мне уже отчаянно хотелось плакать. Причем жаль было не его, а себя. Я сердцем чувствовала, что ничего плохого с ним не случилось.

Сев на диване в большой комнате, с силой обхватила виски, заставляя себя не паниковать, а обдумать всё здраво. Но не получилось, суеверный страх все более плотным кольцом сжимал сердце.

Часы мерно тикали, подчеркивая звенящую тишину. Время от времени я поднимала опущенную голову и смотрела на них. Стрелки упорно стояли на одном и том же месте, не желая сдвинуться ни на йоту. Если бы не мерное тиканье, я бы подумала, что часы остановились, но приходилось признать, что это я выпала в какое-то безвременье.

На улице потемнело. Звезд не было, луны тоже, и ночь казалось опустошающе черной. Иногда по стене проскакивали фары проезжавшей машины, заставляя мое сердце бешено биться. Убедившись, что машина проехала мимо, я невольно вздыхала, стараясь сдержать подступившие к горлу слезы.

Под утро я, видимо, всё-таки забылась тяжелым, не освежающим сном, потому что очнулась уже на рассвете с горьким осознанием беды.

Умылась холодной водой, чтобы прояснить тяжелую после бессонной ночи голову, и стала раздумывать, что же мне теперь делать. Внезапно среди полной тишины в дверях послышался скрип поворачиваемого ключа, и я застыла, стянув на шее воротник трикотажной рубашки.

Это был Георгий. Неестественно возбужденный, с блестящими глазами и красным ртом. Мне сразу всё стало ясно. Я молча ждала, когда он меня заметит.

Победно вскинув голову, как жеребец во время гона, он изогнул губы в странной кривой ухмылке. Увидев меня, вздрогнул и неприязненно скривился.

Я тихо спросила:

– Что случилось?

Он пожевал губами, не в силах перейти от эйфорического удовольствия к неприятным бытовым проблемам. Махнул мне рукой, направляя в комнату. Повинуясь ему, я упала на диван, понимая, что ноги меня не держат. Покачавшись передо мной на длинных ногах, как журавль, он зло выпалил, будто в этом была исключительно моя вина:

– Я полюбил другую.

Мне стало страшно. Так страшно, что застучали зубы. Мысль о том, что подспудно всю ночь именно этого я и ожидала, и, значит, это не может быть для меня неожиданностью, не помогала. От этого чисто животного ужаса я даже не в полной мере понимала то, что он мне говорил.

– Если честно, мы с тобой никогда и не были по-настоящему близки. Ты легковесный мотылек, которому совершенно всё равно, на каком цветке сидеть, а я серьезный зрелый мужчина. Ты и не представляешь, что такое любовь, хотя и постоянно твердишь мне о своей мифической любви.

Это было так несправедливо, что я молча смотрела на него, некрасиво выпучив глаза. Глядя сквозь меня, как прозрачное стекло, Георгий безжалостно продолжал:

– Ты прекрасно понимаешь, что женился я на тебе только потому, что был должен. Ты же не оставила мне никакого выбора.

Я продолжала молчать, не в состоянии осознать его упреки. Какая же я дура! Я-то верила, что он меня любит так же, как и я его. А для него, оказывается, наш дом был тюрьмой.

С ужасом смотрела на него, пытаясь найти в этом чужом человеке хотя бы напоминание о так любимом мной муже. Но его не было. Передо мной стоял мужчина с затвердевшими, будто высеченными из камня, жесткими чертами лица. Ничего похожего на добрый облик моего любимого. Невольно подумалось: неужели всё то, что он говорит, правда? Кого же я тогда любила всё это время? Неужели свою выдумку, никогда не существовавшего сказочного принца на белом коне?

В груди что-то застыло, не давая дышать. Мне хотелось лечь, свернуться калачиком и умереть. Или хотя бы заснуть. Надолго. Лучше всего навсегда. Георгий в праведном раже говорил что-то еще, очень неприятное, но, по его мнению, совершенно справедливое, а я старалась не слушать, чтобы не утратить последних иллюзий.

Но когда он сказал, что ему всегда были неприятны мои прикосновения, а я постоянно лезла к нему обниматься, к тому же по-идиотски хихикая, во мне всё так закаменело, что кровь остановилась в сердце, не в состоянии вновь бежать по сужившимся венам. Это мне даже понравилось. Было бы здорово сейчас умереть. Раз – и нету никаких дурацких страданий. Просто и быстро.

Георгий посмотрел на часы, замолчал и быстрым шагом пошел в ванную. Конечно, ему же на работу. Я не шевелясь сидела на диване, совершенно уверенная, что на ноги встать не смогу, а он быстро переоделся, привел себя в порядок и заглянул ко мне. Наконец-то заметив мою бледность, непринужденно поинтересовался, будто и не он только что говорил мне ужасные вещи:

– Что ты такая бледная? Плохо спала, что ли?

Не в силах больше сдерживаться, я неудержимо расхохоталась. Почему-то самым смешным в этой истории мне показалось то, что сбылись-таки мамулины ожидания. Георгий сердито нахмурился, принимая эту истеричную веселость за мою обычную смешливость, и я с трудом пояснила сквозь приступы дикого смеха:

– Забавно, но мама оказалась права, говоря, что ты такой же козел, как и все мужики. И что всё твоё благородство и порядочность лишь мои глупые выдумки, и не более того.

Он внезапно побледнел, будто получил оглушительную пощечину. Но это и понятно – у него с моей матерью исключительно сложные отношения и оправдывать ее язвительные прогнозы ему совершенно не хотелось.

Заглянув в мои страдальческие глаза каким-то странно-изучающим взглядом, изумился, будто увидел не признаваемое серьезной наукой привидение. Изменившись в лице, вновь посмотрел на часы. Поняв, что опаздывает на работу, приказал мне безапелляционным тоном:

– Вечером будь дома, нам надо серьезно поговорить!

И ушел, а я будто очнулась от кошмарного сна. Последняя его фраза меня окончательно добила. Как можно быть таким бесчувственным чурбаном? Новая страсть ему так глаза застила, что он и в самом деле стал другим человеком? Или он всегда был таким, а я просто не замечала этого, одурманенная своей слепой любовью?

Медленно, не доверяя подгибающимся ногам, пошла на кухню, приготовила крепкий кофе и быстро его выпила, стараясь заставить работать окостенелые мозги.

Стоит ли мне дожидаться Георгия? О чем он со мной хочет поговорить, понятно и дураку, а я к этой категории, слава богу, никогда не относилась. Или думала, что не отношусь. Чувствуя, что еще одна такая встреча с этим незнакомым безжалостным человеком мне просто не по силам, решила уехать.

Поручение мамули оказалось как никогда кстати. Могу же я пожить в собственном доме хотя бы пару месяцев? Конечно, могу! Приду в себя, соображу, что же мне делать дальше. Что думать о своей, как оказалось, насквозь фальшивой жизни.

Сняла кольцо и, чуток поколебавшись, – всё-таки это не обручальное кольцо в строгом понимании этого слова – оставила его на письменном столе Георгия, отрезая тем самым все пути к отступлению.

Позвонила Оксане, своей ассистентке, попросила взять на себя мои заказы. Их было не так уж и много, всё же лето не сезон, поэтому она охотно согласилась.

Вытащив из антресолей большую походную сумку, я принялась запихивать в нее всё, что могло пригодиться. В одну сумку все вещи не вошли, пришлось набить еще и баул.

По очереди стащила их вниз, засунула в багажник своей верной машинки и выехала со двора, радуясь, что никто из соседей мне не встретился и не пришлось изобретать правдоподобный ответ на неизбежный вопрос куда это я собралась.

Вытащив из сумочки сотовый, подрагивающими пальцами выбрала телефон родителей. Трубку взял отец. Предупредив его, что еду в Пореченск, на всякий случай попросила Георгию ничего обо мне не говорить. Не думаю, что ему придет в голову расспрашивать обо мне мамулю, они друг друга на дух не выносят, к тому же, как известно, «баба с возу, кобыле легче», но всё-таки.

Найдя в бардачке диск Нино Рота, я засунула его в проигрыватель. Обычно я не могу без слез слушать его горестно-пронзительную музыку, но сегодня она была в самый раз, и ложилась на мое истерзанное сердце легким укором, безмолвно говоря: я же предупреждала, что всё будет именно так.

Я опустила стекло и еще прохладный утренний ветерок приятно обдувал мои пламенеющие щеки. В голове что-то монотонно звенело. Возможно, от бессонной ночи, возможно, от неприятных откровений мужа.

Вот так живешь, живешь в полной уверенности, что у тебя всё хорошо, а в одночасье оказывается, что всё плохо. Я и помыслить не могла, что ему даже наши мальчишки жить нормально мешали, иначе он не упрекал бы меня нашей незапланированной женитьбой.

Глава вторая

Стараясь избавиться от мешающей дышать горечи, я поминутно прихлебывала согревшейся минералки из пластиковой бутылки. Машину вела почти на автопилоте, смутно надеясь, что мой ангел-хранитель не даст мне попасть в аварию. Мимо мелькал знакомый город, постепенно уступивший место сначала пригородам, а потом небольшим поселкам.

По салону торжественной зауспокойной мессой по моему счастью разливалась музыка Нино Рота к фильму «Ватерлоо». Она задевала самые глубинные пласты моей души, и моя боль из личной, частной, становилась вселенской, напоминая мне, что люди страдали и до меня, и будут страдать после. И вряд ли мою личную беду можно назвать исключительной.

Но вот через час показались окраины Пореченска. Снизив скорость, я проехала по узким старинным улочкам и затормозила возле двухэтажного тяжелого здания за еще крепким сплошным деревянным забором. Выйдя на затекших ногах из машины, облегченно вздохнула. Только тут я чувствовала себя на своем месте. Как хорошо, что у меня есть это убежище.

Дом был старый, купеческий. Когда-то Пореченск стоял вдали от Волги, на пересечении двух впадавших в нее речек, но после постройки плотины горьковского водохранилища оказался на самом ее берегу. И дом, построенный на угоре, теперь возвышался над водой.

С горы прямо в Волгу вели две тропинки – одна очень крутая, с опасными откосами и обрывистыми скалистыми участками, другая более пологая, но тоже не для слабых ног. Участок при доме когда-то, до революции, был несколько гектаров, но и по нынешним меркам был не мал – более двадцати соток.

Достав из укромного местечка за кирпичами большой старинный ключ с резной головкой, открыла громоздкие ворота. Они укоризненно заскрежетали, будто пеняя мне на пренебрежение своими обязанностями. Мне стало не по себе, и я раскаянно вздохнула.

Загнав машину в бывшую конюшню, а ныне гараж, подошла поближе к дому и оценивающе посмотрела наверх. Ни разу за все годы существования дома не отремонтированная черепичная крыша вроде в порядке. Второй этаж, более легкий, чем первый, тоже. Во всяком случае, снаружи.

Закрытые темными ставнями окна первого этажа придавали всему дому угрюмый и болезненный вид.

Обнесенный по периметру высоким сплошным забором двор капитально зарос чертополохом и другими, чувствующими себя чрезвычайно вольготно, сорняками. Я сумрачно качнула головой. Что ж, физическая работенка это именно то, что доктор прописал. Очень хорошо отвлекает от недомогания нравственного.

Ключ от дома у меня сохранился еще с тех пор, как я приезжала сюда на каникулы к бабушке, и я долго возилась, пытаясь открыть дверь в дом. Но вот она с легким скрипом растворилась, открывая доступ в темный коридор. Ни на что не надеясь, я нащупала выключатель у входа, повернула его и, – о чудо! – загорелся свет.

Приободрившись, прошла дальше. Тихо, пусто и прохладно, хотя на улице тепло, даже жарко. Но это и понятно – стены первого этажа полутораметровые. Раньше строили на века, для потомков. Я снова пригорюнилась. Получается, я тот самый неблагодарный потомок, что торгует своим наследством.

Решив поразмыслить об этом попозже, на досуге, принялась за дела. Сняла все ставни, распахнула окна на обоих этажах, даже дверь в подвал открыла, чтобы проветрить дом от въедливого нежилого запаха. Потом перенесла внутрь всё, что захватила с собой. Подумав, решила обосноваться на втором этаже в той же комнате, в которой жила прежде.

В комнате стоял тот же затхлый необитаемый запах, что и во всем доме. Мебель была тусклой и неухоженной. Душа заныла, на глаза вновь набежали слезы. Но я бодро сказала, слушая свой уверенный голос:

– Ну, это всё поправимо. Вот искупаюсь и примусь за дела!

Выглянув в окно, увидела серебрившуюся под ярким солнцем Волгу, приветливо манившую меня. Спустившись вниз, вытащила из привезенного баула сплошной черный купальник. Переоделась, взяла полотенце и через сад отправилась на угор.

Крутая тропка была гораздо ближе, но я посмотрела на нее с опаской. Она почти отвесно уходила вниз, скрываясь за ближайшим валуном. Безнадежно поджав губы, я уныло покачала головой. Больше мне по ней не спускаться, слишком велика опасность переломать ноги. А ведь когда-то я сбегала к Волге только по ней...

...– Ты ноги переломать не боишься? – высокий незнакомый парень в узких черных плавках смотрел на меня с нескрываемой укоризной. Его тонкий мускулистый торс был покрыт приличным загаром и покачивался он на длинных ногах, как голенастый журавль.

Старым незнакомцем не был, и я удивилась его неприятному менторскому тону.

– Да с чего это? – мне хотелось ответить ему дерзостью, но я поостереглась. В свои пятнадцать лет с ровесниками я не церемонилась, но парень был гораздо старше, наверное, уже студент.

Он сердито покачал головой, глядя на меня, как на маленькую недоразвитую дурочку, и мне захотелось его проучить. Во-первых, за то, что делает мне идиотские замечания, и еще за то, что вторгся в мое личное пространство.

На эту малюсенькую полоску земли можно было попасть только из нашего сада. Ну, или на лодке, как это сделал он. Но на это он никакого права не имел, поскольку здесь отдыхали только члены нашей семьи, тем более что когда-то эта земля принадлежала моему прадеду.

Заносчиво задрав голову, я с разбегу забежала в воду и быстро поплыла, бесшумно рассекая встречные волны, поднятые проплывшим невдалеке буксиром. При этом я еще умудрялась одним глазом наблюдать за парнем, стоявшим на самой кромке песка, всё так же покачиваясь на длинных ногах и смотревшим из-под ладони куда-то вдаль.

Мне показалось, что он уделяет недостаточно внимания такой классной пловчихе, как я, и, чуть вскрикнув, нырнула, задержав дыхание. Проплыв под водой в сторону берега приличное расстояние и чувствуя, что мне вот-вот не хватит дыхания для задуманной проказы, я наконец-то уперлась в твердый отвесный берег.

Вынырнув, плотнула свежего воздуха. Взглянув на то место, где еще недавно стоял выпендристый парень, поняла, что всё получилось так, как я и замышляла – на берегу его не было. Зато в реке, там, где я нырнула, на мгновение показалась темная голова и снова ушла под воду. Посмеиваясь, я доплыла до пологого берега и выбралась на сушу.

Встала на то место, где до этого стоял парень, читая мне мораль, и, подражая ему, принялась качаться на ногах. Конечно, так эффектно у меня не получалось – рост не тот, но было вполне узнаваемо. Дождавшись, когда он вновь покажется на поверхности, хватая воздух ртом, крикнула:

– Эй, на воде! Что случилось? Помощь не нужна?

Несколько секунд он, опешив, молча смотрел на меня. Потом изо всех сил направился к берегу, энергично взмахивая руками. Не дожидаясь, когда он примется за меня всерьез, я, хохоча во всё горло, рванула вверх по крутой тропке, уверенная, что вслед за мной он не бросится.

Он и в самом деле не бросился, и я, вполне довольная своей шуточкой, с гордостью посмотрела вниз, показала язык, жалея, что незнакомец этого не видит, и пошла домой переодеваться. Парень не особо меня заинтересовал и вспоминала я о нем лишь как об объекте

вполне удавшегося мне небольшого розыгрыша. Правда, купаться я спускалась только после того, как убеждалась, что мой маленький пляж свободен от разного рода захватчиков.

Увидела я его вновь только через неделю на субботней дискотеке. В городке возле дома культуры была построена круглая площадка, на которой погожими летними вечерами танцевала молодежь. Я не любила подобные сборища, но моя летняя подруга, Наташка, будучи старше меня на целых полгода и считая, что вполне созрела для любви, не пропускала ни одну дискотеку, таская меня за собой, как дрессированную обезьянку.

Я же себя взрослой не считала. Вернее, не хотела считать. Лето было тем блаженным временем, когда я могла почувствовать себя балованным ребенком, не отвечающим ни за чистоту в квартире, ни за приготовленный обед и полный холодильник. В это время мне никто не говорил: «Ты уже взрослая!», и я в это отвратительное состояние ни под каким соусом возвращаться не хотела. Но выдержать Наташкин напор мне было не по силам, и я послушно ходила с ней на эти абсолютно не интересные мне танцульки.

Вот и сейчас, рассеянно поглядывая по сторонам, я по-мальчишечьи уселась на перила, ограждающие танцплощадку, и приготовилась перенести пару бестолковых часов, по возможности не ворча и не возмущаясь. Наташка тут же убежала танцевать с выбранным ею на этот год другом, а я, принципиально не желая изображать из себя заводного болванчика, принялась скучно разглядывать давно знакомый окружающий пейзаж.

Дом культуры размещался в старой церкви, от которой веяло явственным неодобрением происходящему в ней. Более того, бабушка всегда была против моих походов на дискотеку, считая страшным грехом плясать на могилах.

Танцплощадка по сути располагалась на человеческих останках, потому что прицерковное кладбище, на котором покоились лучшие люди купеческого городка, во времена вероборцев никуда не перенесли, а просто-напросто снесли стоявшие здесь памятники и залили асфальтом. Об этом знали все жители Пореченска, но никого это не смущало. Подумаешь, мелочи какие!

Дискотека началась ровно в восемь, но уже в десятом часу небо стало темнеть и вокруг площадки включили мощные прожекторы. Замелькали яркие разноцветные огни и стало несколько веселее. Я сидела, болтая голыми ногами в такт ритмичной музыке. На минутку подбежавшая ко мне Наташка привычно укорила: «Чего сидишь зря?! Давай иди, танцуй!» – и тут же убежала, не дождавшись моего стандартного «Не хочу».

Вдруг из разноцветного облака вынырнул тот самый парень, что воспитывал меня на прошлой неделе, и над которым я слегка покуражилась. Он возник так внезапно, что убежать я не успела. Да и что я такого сделала?

Молча смотрела на него, ожидая очередной нотации, но он спросил совсем уж неожиданное:

– Тебе сколько лет?

Посмотрев на него так, чтоб он прочувствовал всю бестактность подобных вопросов, я ответила честно:

– Пятнадцать.

У него заметно вытянулось лицо, и он разочарованно проворчал:

– Салага, значит.

На что я учтиво согласилась:

– Ага!

Немного потоптавшись около меня, он предложил, явно борясь с собой:

– Пойдем, потанцуем?

Не считая нужным изменять своим принципам из-за какого-то скучного моралиста, я пренебрежительно отказалась:

– Не хочу.

Присев рядом со мной, парень саркастично заметил:

– А зачем тогда на танцы ходишь, если танцевать не хочешь?

Искося взглянув на его вопросительно повернутое ко мне лицо, я небрежно пояснила:

– Для компании.

Он протянул:

– Понятно. – И вдруг представился: – Георгий.

Если он ожидал, что в ответ я тут же доложу ему свое имя, то ошибся. Я молча болтала ногами, не собираясь отвечать, и он вынужден был спросить:

– А тебя как зовут?

Я чисто по-девчоночьи фыркнула:

– А тебе зачем?

Он озадаченно хлопнул длинными черными ресницами над красивыми серыми глазами. Я даже слегка позавидовала – мне бы такие. Посмотрев на меня, осторожно ответил:

– Да просто чтобы можно было нормально к тебе обращаться. Не могу же я звать тебя русалкой.

Мне русалки нравились, но бабушка считала, что они нечисть, и человека так звать ни в коем случае нельзя, а то эти самые русалки под воду затащат. Вспомнив, как Георгий нырял за мной, с ребячеством припомнила ему:

– Что, холодная в тех местах водичка?

Он аж подскочил. С напором выпалил:

– Твое счастье, что сейчас я уже отошел. А тогда, попадись ты мне в руки, выпорол бы как пить дать.

Я засмеялась уже откровенно, во всё горло.

– Ну, тебе меня никогда не поймать!

Он резко повернулся ко мне, и, стремительно выбросив вперед руку, попытался ухватить за плечо. Но у меня недаром имелась отменная пожизненная тренировочка – мой братец Костя постоянно пытался меня поймать, чтобы накомылить, на то ведь он и Костя, поэтому я без особого труда вывернулась из-под его руки, спрыгнула с довольно высокого ограждения, и, всё так же насмешливо хохоча, исчезла в темноте.

На следующий день, как обычно, ранним утром, едва встало солнце, спустилась вниз, чтобы искупаться. Я вообще вставала рано, меня к этому приучили птицы. Под стрехой прямо над моей комнатой издавна селилось несколько парочек сверхговорливых ласточек.

Едва рассветало, они принимались за ловлю мошкары, стараясь накормить свои прожорливые выводки, и спать под этот птичий гвалт было совершенно невозможно. Но я не переживала. В это время вода была нежной, как парное молоко, и я убегала купаться до того, как меня хватит бабушка.

В это чудное утро я быстро спустилась с обрыва и бросилась в воду, млея от наслаждения. Наплававшись, вышла на берег, отжимая длинные волосы, и внезапно мне навстречу шагнул высокий парень. Он стоял против солнца и я не понимала, кто это, пока он не заговорил.

– Итак, как же тебя зовут?

Я несколько растерялась. Парни на меня в те времена внимания еще не обращали, и как относиться к подобной настырности, я не знала. Попыталась молча пройти мимо, но Георгий перегородил мне дорогу. С вызовом спросил:

– Ты что, боишься меня?

Это меня задело, и я гордо воскликнула:

– Никого я не боюсь! Просто после купания мерзну. Мне нужно переодеться.

Он подошел к большой моторной лодке, скорее даже катеру, пришвартованному к крупному валуну, поднял с сиденья огромную махровую простыню и бросил мне.

– На, завернись!

Я завернулась в мягкие складки, и сотрясавшая меня дрожь улеглась.

Георгий с каким-то тайным интересом оглядел меня и предложил:

– Ну, если ты меня не боишься, то, может, покатаемся? – он кивнул головой на катер.

Мне отчаянно захотелось прокатиться по широким волжским просторам, но я благоразумно отказалась:

– Я с незнакомцами никуда не езжу!

На что он насмешливо возразил:

– Ну, какой же я незнакомец? Я внук Анастасии Ивановны, ты ее наверняка знаешь, если живешь здесь.

Конечно, я знала Анастасию Ивановну. Она была бабушкиной ровесницей и не раз приходила к нам в гости. Они с бабушкой вспоминали былые времена и сокрушались недалекой видностью властей, так бездумно губившей народное достояние.

Но сдаваться мне не хотелось, и я с нарочитой недоверчивостью заметила:

– Ну, это любой может сказать.

Присев на валун, Георгий с изрядной долей насмешливости перечислил множество деталей, которые может знать только близкий человек. Закончив, снова сардонически спросил:

– Ну что, поехали, малышка? Или тебе пора идти в куклы поиграть?

Почувствовав, что он откровенно меня провоцирует, я нахмурилась. Неожиданно кинув в него простыню, воскликнула:

– Куклы гораздо интереснее, чем ты! – и стремительно удрала, почему-то испугавшись более тесного с ним знакомства.

Больше этим летом я его не видела – мамуле на работе предложили бесплатную путевку в пионерлагерь и она, не в силах отказаться от халявы, забрала меня от бабушки и отправила в так нелюбимый мной «Юный пионер».

На следующее лето Георгий в Пореченск не приезжал, да я о нем и не вспоминала. В это лето бабушка рассказала мне, почему я чувствовала себя изгоем в собственной семье, и я всерьез думала остаться у бабушки, прекрасно при этом понимая, что этого мне никто не позволит.

То время было окрашено в какие-то неприятные тона – Наташка невеста от кого забеременела, никому ничего не сказала, и, к огромному неудовольствию своих родителей, была вынуждена рожать. Под лозунгом недопущения ничего подобного я пробыла у бабушки всего месяц, после чего меня увезли домой, и я всё время до занятий просидела там.

Мне казалось, что спасение меня от возможного соращения было всего лишь предлогом, а на самом деле мамуле нужна была домработница. Конечно, ведь всё то время, что меня не было дома, ей приходилось выполнять мои обязанности самой.

Я боялась, что и на следующее лето меня снова не выпустят из душного города, но тут, на мое счастье, Константин нашел себе бабенку с квартирой и отчалил к ней, освободив меня от многих домашних повинностей.

Посчитав, что на одного папашу тратить столько сил и средств нерационально, мамуля отправила меня к бабушке, тем более что денег она мне с собой никогда не давала. Это ж какая экономия на одной моей кормежке! А если прибавить еще и весомые подарки, которые мне всегда делала бабушка, то моя жизнь в Пореченске была очень выгодна для нашего семейного бюджета.

Мы с бабушкой очень мило проводили время, днем посвящая его нашему саду, а по вечерам или принимая гостей, или нанося ответные визиты. Мне очень нравились эти стариковские посиделки. Казалось, попадаешь совершенно в другую страну и другое время. У них даже речь была другой – неторопливой и уважительной.

Я ни разу не слышала, чтобы кто-то из бабушкиных друзей употребил не то что бранное, а даже резкое слово. Когда я спросила об этом у бабушки, та пояснила:

– Мы же уважаем себя, моя милая. Тот, кто хочет уважать себя, никогда не сделает ничего такого, что могло бы это уважение разрушить. А если совершишь что-то непорядочное, то покоя в твоей душе уже не будет никогда.

И я поняла, что главное в жизни – это уважать себя, а для этого не делать никаких пакостей – ни крупных, ни мелких.

На этих посиделках много играли в карты. Причем не в разного рода заурядных дураков, а в покер, винт и другие чересчур сложные, на мой взгляд, игры. Бабушка пыталась меня им научить, но они требовали такого напряжения, памяти и интуиции, что я, поняв, что мне эта наука явно не по силам, отказалась от даваемых мне бабушкой уроков.

Время шло, я даже на танцы не ходила, потому что не с кем было, да и не тянуло, если честно. О Георгии и не вспоминала, но в одно раннее августовское утро он напомнил о себе сам.

Спустившись вниз по скользкому от дождя откосу, я увидела, что он, как и раньше, пристально меня разглядывает, покачиваясь на носках у самой кромки воды. Поскольку во время спуска я сосредоточилась исключительно на тропке у себя под ногами и ничего вокруг не замечала, то его неожиданно возникшая передо мной одинокая фигура вызвала во мне настоящее смущение.

Покачав головой, Георгий укоризненно повторил то же, что сказал мне два года назад:

– Ты ноги переломать не боишься? Я вот смотрел сейчас на тебя, и у меня, признаюсь честно, до сих пор сердцебиение не прекратилось.

Воскликнув в ответ:

– Ну, это только твои проблемы! – я кинулась в воду.

Недолго думая, он отправился за мной. Плавал он неплохо, но до меня ему было далеко. Чтобы показать, кто здесь главный, я несколько раз ныряла, и, бесшумно проплывая под ним, щекотала его за пятки. Он тут же нырял следом, но я была гораздо увертливее и поймать меня ему не удалось ни разу.

Наконец парень выбрался на берег. Прокричав мне «Сдаюсь!», упал на песок. Поплавав еще немного, я выбралась за ним следом. Благоразумно сев поодаль, подставила мокрую спину набиравшему силу солнцу.

Георгий подошел к своему катерку и снова, как в позапрошлом году, кинул мне огромную махровую простыню. Чопорно сказав «спасибо», я завернулась в нее, наслаждаясь мягкостью и приятным запахом.

Парень сел на прежнее место и лукаво поглядывал на меня. Наконец тихо спросил, будто для него это было очень важно:

– Почему тебя не было в прошлом году?

Я передернула плечами. Не говорить же ему истинную причину моего отсутствия? Равнодушно сообщила:

– Почему же, в июне я приезжала. А потом пришлось уехать домой. У мамы были нелады со здоровьем.

Он разочарованно протянул:

– Понятно. А я был здесь в июле, после сессии. Навещал бабушку. Ты в каком классе учишься?

Решив, что это не государственная тайна, чтобы свято ее хранить, я ответила:

– Перешла в одиннадцатый.

Он улыбнулся.

– Кем собираешься стать?

Высоко вздернув брови, я призналась:

– Не знаю. Мне всё равно.

Георгий меня тут же осудил:

– Так нельзя. Вот я, к примеру, с десяти лет знал, что буду ученым. Закончу на следующий год МГУ, поступлю в аспирантуру, защищусь. Сначала кандидатская, потом докторская. Работать буду в каком-нибудь престижном московском НИИ.

Я ехидненько заметила:

– И жена с детьми в этот твой наполеоновский план никак не вписываются?

Он снисходительно опроверг мою провокационную подначку:

– Ну почему же. Ученые это не эстрадные артисты. Они серьезные люди. У всех нормальные семьи. Просто жениться я буду, когда прочно встану на ноги.

Мне почему-то стало обидно. Но, как обычно, я не подала виду.

– Что ж, я за тебя рада. Но я, видишь ли, несерьезный человек и серьезных не люблю. Так что желаю счастья в личной жизни! Адыю! – и, бросив ему на колени простыню, быстро вскарабкалась наверх.

Он за мной не полез, и я не могла понять, довольна я этим обстоятельством, или нет.

Вечером осторожно спросила у бабушки, надолго ли приехал внук Анастасии Ивановны, и она немедленно поведала:

– На пару недель. Настя уж больно рада. У нее же сын в Литве живет, в Паланге. Места там изумительные, сосновый бор на берегу моря, туда со всего света люди отдыхать едут, но, несмотря на это, Гера всегда пару недель летом выкроит, чтобы бабушку навестить. Сын-то к ней почти не ездит, ему не до того, он потихоньку домик перестраивает, чтобы курортников пускать.

Чувствуя себя рядом с Георгием на редкость ущербно, уж не зная, почему, я решила эти пару недель купаться на городском пляже и свои вылазки на наш берег прекратила.

На общем пляже ранними утрами было так же пустынно, как и на нашем, и наплаваться всласть мне никто не мешал, но, конечно, на нем не было так уютно, как на своем, маленьком, знакомом до последней песчинки. На дискотеки я тоже не ходила, боясь встречи с Георгием. В общем, делала все, чтобы не увидеть его даже случайно.

Но вот в один из вечеров, когда мы с бабушкой мирно сидели в доме и слушали громахающий по черепице дождь, в ворота раздался громкий стук. Бабушка пошла открывать, а я, в полной уверенности, что это пришли бабушкины друзья, помчалась на кухню ставить чайник.

Это была Анастасия Ивановна. Из прихожей доносился громкий голос слегка глуховатой гостьи:

– Наконец-то Гера согласился пойти со мной. А то всё дома сидит да сидит. Только с утра сходит искупается, а потом все в помещении торчит. Скучает небось жутко, а не признается.

Стремительно спрятавшись за буфетом, как ребенок, играющий в прятки, я принялась глубоко и методично дышать, стараясь справиться с охватившим меня неистовым волнением. При этом я напрасно пыталась убедить себя, что ничего особенного не происходит, подумаешь, какой-то парень пришел в гости. К тому же не ко мне, а к бабушке.

Но вот из гостиной послышался зовущий меня бабушкин голос. Захватив поднос с чашками, печеньем и прочим, я вышла к гостям и негромко поздоровалась.

Расставляя по столу чашки, краем глаза видела застывшего Георгия. Мне казалось, что он обомлел от изумления, но, конечно, это мне только почудилось. С чего бы такому потрясающему парню радоваться встрече со мной, такой неинтересной и неперспективной? Я была уверена, что, когда он решит жениться, его избранницей станет умная и образованная дочка какого-нибудь академика, а уж не такая глупышка, как я.

Но вот стол был накрыт по полной программе, и мне пришлось сесть рядом с Георгием. Вскоре пришли еще две бабушкины подруги и они, попив чаю, все вместе принялись за карты, с азартом перечисляя промахи друг друга.

Парень взял меня за руку и, отведя подальше от стола с игроками, подвел к дивану, стоявшему у самого окна. Усадил, сел рядом и, всё так же не выпуская моей руки, заглянул в глаза.

– Если бы я знал, кто ты, давным-давно согласился бы с навязчивой бабушкиной просьбой прийти сюда в гости. Итак, ты Маргарита Петрова. Завидный прогресс в наших отношениях, не находишь?

Я с недоумением посмотрела на него. В каких таких отношениях? Нету у нас никаких отношений.

Не дождавшись ответа, он спросил:

– А почему ты на берег не ходишь? Не хочешь со мной встречаться?

А вот в этом я ему никогда не признаюсь. Ведь, если я не хочу его видеть, значит, он мне не безразличен. Поэтому ответила откровенной чушью, надеясь, что таких тонкостей он не знает:

– Да просто в это время здесь вода уже цветет. Здесь же дно не чистят никогда.

Он как-то странно посмотрел на меня и недоверчиво хмыкнул. Но спорить не стал, оставив это высказывание на моей совести.

Я по привычке села в самый уголок дивана, стараясь быть как можно незаметнее, и парень, воспользовавшись тем, что отодвигаться мне было некуда, сел ко мне так близко, что я ощущала сквозь тонкий ситец своего простенького платья его горячее бедро.

Повернувшись ко мне вполборота, он так пристально рассматривал мое лицо, всё чаще задерживаясь на губах, что я всё больше и больше заливалась стыдливым румянцем. И не могла понять, что это со мной. Обычно я вовсе не так застенчива. Во всяком случае, одноклассника, попробовавшего вести себя со мной подобным образом, ждала бы весомая оплеуха.

Но с Георгием мне ничего подобного делать не хотелось. Наоборот, я была бы не прочь, если бы он обнял меня и поцеловал. Каким-то шестым чувством я понимала, что того же хочется и ему, но здорово мешают ненужные свидетели.

С досадой посмотрев на азартно играющих на другом конце комнаты стариков, Георгий спросил, чуть понизив голос:

– У тебя кто-то есть?

Я не поняла:

– В смысле?

– Ты с кем-то встречаешься?

Я надменно фыркнула.

– Нет. И не собираюсь! – и со значением посмотрела ему в глаза, чтобы он понял, что это касается и его.

Но он внезапно с облегчением засмеялся и придвинулся ко мне еще ближе, заставив меня откинуться на спинку дивана.

– Давай съездим завтра на катере, покатаемся?

Мне с ним ехать никуда не хотелось. Или нет, ехать мне очень хотелось, но постоянные мамулины внушения о ненадежности всей мужской части человечества сделали свое дело, и я неуверенно отказалась.

Почувствовав нерешительность в моем голосе, Георгий прибег к тяжелой артиллерии:

– Бабуля, представляешь, Рита боится ехать со мной кататься. Боится, наверное, что у меня мотор заглохнет посередине Волги.

Анастасия Ивановна немедленно кинулась на помощь внуку:

– Да что ты, Риточка! Гера такой аккуратный мальчик, у него вся техника в образцовом порядке! Если бы не он, этот катер давно пришлось бы сдать в металлолом.

Моя умненькая бабушка тут же внимательно посмотрела на нас, подняв очки на лоб. Чуть принахмурясь, она протянула:

– Ну, дело тут, похоже, не в технике.

Тут же отодвинувшись от меня на вполне приличное расстояние, Георгий обидчиво протянул:

– Да я разве ухаживать за ней собираюсь? Просто я скоро уезжаю, хочу в последний раз по Волге прокатиться, а одному скучно. Только и всего.

Его голос звучал так разочарованно, что моя отзывчивая бабушка заколебалась. А когда Анастасия Ивановна непонимающим тоном протянула:

– Да что, Гера насильник какой-то, что ли? Он приличный мальчик из хорошей семьи. – Ей явно хотелось добавить, что его семья не чета мосей, но она сдержалась, не желая обижать бабушку.

В общем, чтобы не раздувать скандал, мне пришлось согласиться. Он назначил встречу на нашем старом месте в десять часов. Единственное, что мне удалось вернуть – что поеду я с ним только в хорошую погоду, на что он неохотно согласился.

На следующий день ровно в десять я нехотя спускалась по пологой тропке, досадуя на свою коварную судьбу. Ну, почему бы небесной канцелярии не устроить сегодня такой же дождик, как вчера, избавив меня тем самым от разного рода искушений?! Тогда бы я сейчас с чистой совестью сидела дома с хорошей книгой в руках, а не шагала с пистолетом у виска на совершенно не нужное мне свидание.

Катер Георгия уже качался у импровизированной пристани. Завидев меня, он быстрым шагом пошел навстречу.

– Пришла всё-таки! – его радость была столь откровенной, что я невольно улыбнулась в ответ.

Он вскинул руки, явно намереваясь меня обнять, и мне пришлось сделать шаг назад, сухо пообещав:

– Будешь протягивать руки, я немедленно уйду!

Засмеявшись, он пошел к катеру, приговаривая на ходу:

– Да разве ж я посмею, ты же железобетонная девственница, и обжиманий на дух не переносишь!

В его тоне, несмотря на якобы легкий смех, явственно слышалась досада. Хотя мне не понравился использованный им эпитет, я осмотрительно промолчала. Устроившись на переднем пассажирском сиденье, подождала, пока Георгий отвяжет канат, оттолкнется от берега и запустит мотор.

Но вот катер под глухое урчание мотора понесся вдоль берега, и у меня радостно забилося сердце. Как же я любила Волгу и всё, с ней связанное!

Но вот почти посредине реки рокот смолк, и я вопросительно посмотрела на спутника.

– Что случилось? Мотор заглох?

Он немного хмуро ответил:

– Да нет, просто я завтра уезжаю и мы не увидимся очень долго.

В его голосе зазвенела настоящая тоска, и я удивилась.

– Ну и что?

– Я не хочу уезжать, не попробовав, так это или мне только кажется.

Не поняв, что он имеет в виду, я подняла на него глаза и поразились странному выражению его лица. Все его черты обострились, глаза горели каким-то злоеющим огнем, губы сложились в твердую узкую полоску. Не успела я испугаться, как он рывком пересел ко мне и, запустив руку в мои волосы, заставил запрокинуть голову. Прильнул к моим губам, и его тут же жутко затрясло. От чего, я не поняла – погода была теплой.

Парень принялся клонить меня на борт, пока я не уперлась боком в какую-то железяку. Его поцелуй мне не понравился. Он был не нежным, а требовательным. Георгий явно хотел от меня того, чего я ему дать не могла. Я протестующе замычала, отталкивая прильнувшее ко мне сильное тело, но он не реагировал, всё сильнее терзая мой рот.

Наконец мне это надоело, и я с силой двинула ему по ребрам. Он оторвался от меня и смутным взглядом окинул мое пылающее от стыда и возбуждения лицо. Встряхнувшись, как мокрая собака, хрипло спросил:

– Неужели тебе не нравится?

Я зло выпалила:

– Кому это вообще может нравиться?

Он разочарованно засмеялся.

– Да уж, кому? – слышавшаяся в его голосе насмешка предназначалась явно не мне.

Обижено отвернувшись, я выговорила:

– Отвези меня на берег, больше я с тобой кататься не хочу!

Георгий заартачился.

– И не подумаю! Я только начал!

Продолжения мне вовсе не хотелось, и я скользким движением оказалась за бортом. Он растерялся и не сразу сообразил, что же произошло.

Я сразу нырнула и проплыла под водой довольно долго. Оглядевшись, поняла, что он стоял на одном месте, видимо, боясь задеть меня винтом. До берега было еще вполне прилично, и я порадовалась, что около Пореченска Волга не такая широкая, как дальше по течению. Заметив меня, парень моментально завел мотор и понесся в мою сторону. Дождавшись, когда он подплывет поближе, я снова нырнула и поплыла под водой.

Плыть было довольно удобно, короткие джинсовые шорты и футболка почти не стесняли движений. Вынырнув, когда мне уж совсем не хватало дыхания, увидела, что Георгий причалил к нашему пляжу и ждет меня там. Мне не хотелось с ним объясняться, и я посмотрела вокруг. Обычно в это время на реке полно народу, и меня вполне мог кто-нибудь подобрать.

И в самом деле, мимо проплывала моторка со знакомой по дискотекам парой. Я махнула им рукой, и они притормозили. Подняв меня на борт, удивились моему странному наряду. Но я ничего им объяснять не стала. Просто попросила высадить меня на городском пляже.

От пляжа за рекордно короткое время, всего двадцать минут, бегом добралась до своего дома и украдкой пробралась в бывшую конюшню. И правильно сделала. Вокруг дома уже кружил нахохлившийся Георгий. Конечно, он видел, как я уплыла на моторке, и ждал меня там, куда я всё равно рано или поздно приду.

Бродил он осторожно, боясь ненароком встретиться с бабушкой. Я ей в таком виде показываться тоже не хотела, поэтому с неприязнью следила за настойчивым парнем. И чего он ко мне привязался? Ему какую-нибудь профессорскую дочку надо обхаживать, а не тратить свое драгоценное время на меня, неперспективную.

Но вот он прислушался к какому-то шороху и со всех ног кинулся в сад. Не знаю, что там ему послышалось, но я этому была очень рада. Опрометью выскочив из конюшни, залетела в дом и на цыпочках поднялась в свою комнату. Быстро переодевшись, вытерла волосы, и как ни в чем не бывало, спустилась вниз. Бабушка тихо дремала в своей комнате, и я пошла на кухню, намереваясь выпить чего-нибудь тепленького.

Вокруг, подобный бдительному стражу, бродил Георгий, поэтому я вела себя как воришка, забравшийся в чужой дом. Стараясь не появляться в окне, вскипятила чайник, заварила крепкого чаю и, насыпав в чашку сахар, прокралась в свою комнату. С сомнением посмотрела на свою крепкую дверь, размышляя, не запереть ли мне и ее, но, сообразив, что это может вызвать недоумение бабушки, не стала трогать задвижку.

Немного успокоившись, призадумалась. С чего это я так испугалась? Или нет, не испугалась, а возмутилась. Или не возмутилась, а взволновалась. В общем, чувства, обуявшие меня тогда, да и теперь еще бушующие в моей груди, были гораздо сложнее. Обида, досада, обманутые ожидания и впервые проснувшаяся чувственность? Или клубок запутался еще сильнее?

В физиологии я разбиралась, ведь семнадцать лет это не семь, и то, что произошло, не было для меня такой уж неожиданностью.

И вдруг меня осенило – да это же разочарование! Просто я втайне надеялась на что-то более возвышенное. Если бы Георгий признался мне в любви, пообещал счастливое будущее и всё такое, что принято говорить наивным дурочкам в такие минуты, сопротивлялась бы я? Однозначно нет. И, возможно, повторила судьбу матери в еще худшем варианте. Возможно, пошла бы по проторенному Наташкой пути.

Этого мне категорически не хотелось, и я похвалила себя за благоразумие. И поняла, что видеть мне Георгия категорически нельзя – всё-таки тянуло меня к нему так, как не тянуло ни к одному из знакомых парней.

Вечером бабушка спросила меня, как прошло катание, и я индифферентно ответила:
– Нормально.

Она внимательно посмотрела на меня, но промолчала, лишь чему-то укоризненно покачивая головой.

На следующий день пришедшая к нам в гости опечаленная Анастасия Ивановна рассказала нам, что Гера уехал.

– Уж так ему уезжать не хотелось, так не хотелось! – И грустно добавила: – Наверняка чувствовал, что больше мы с ним не увидимся...

Она оказалась права – позвонившая мне в январе в Нижний бабушка сообщила печальную новость. На похороны приезжала вся семья Анастасии Ивановны, и, естественно, Георгий. Мне было жаль и старушку, и свои тайные, но от этого не менее страстные мечты.

Бабушка сказала, что в старом доме из немногочисленного семейства Анастасии Ивановны жить никто не собирается, и летом, лишь пройдут положенные после смерти владелицы полгода, его продадут.

В июне я сдавала экзамены за одиннадцатый класс, в июле поступала в архитектурно-строительный институт, и к бабушке приехала только в августе. Совершенно уверенная, что дом Анастасии Ивановны давно продан, даже не стала спрашивать об этом бабушку. Несмотря на прохладные уже ночи, в первое же утро отправилась на берег и поразилась – на тонкой полоске нашего полудикого пляжа меня ждал Георгий.

Как обычно, он покачивался на длинных ногах, пристально меня разглядывая. Он молчал, и затянувшееся молчание заставляло нервничать меня всё больше и больше. Но если он надеялся, что я примусь смущенно здороваться, то ошибся. В последнюю нашу встречу обидел меня он, и, значит, нечего ему изображать из себя невинную овечку.

Вырвавшись из опоясавших меня невидимых оков, я скинула халатик и спокойно вошла в воду. Она была холодноватой, всё же август не июль, но вполне сносной. Плавала я долго, пока на реке не появилось множество разномастных плавсредств. Повернув к берегу, мельком на него глянула и вдруг мое бедное сердце ухнуло куда-то вниз – Георгия на берегу не было. Конечно, станет он ждать целый час, когда я накупаюсь!

Разочарованная, я вылезла из воды и оглядела пляж уже пристально, будто на нем было куда спрятаться – узкая полоска песка и пара валунов не оставляли простора для прятков. Горько вздохнув, накинула халат и медленно поползла вверх, горячо желая, чтобы Георгий никогда больше на моей дороге не появлялся.

Если его простой уход заставляет меня так переживать, то что будет, если мы станем близки, а он меня оставит, что, по словам мамы, делают все нынешние мужики? Мне припомнились безмятежно-ровные дни до нашего знакомства, и я крепко пожалела, что вообще его встретила.

На следующий день его не было. И на следующий тоже. Мне так хотелось его увидеть, что я едва не побежала к дому Анастасии Ивановны, чтобы посмотреть на Георгия хотя бы издали, но, призвав на помощь всю свою гордость, сдержалась. Надо набраться чуть-чуть тер-

пения, и всё закончится. Бабушка сказала мне, что покупатель на дом нашелся. Еще немного формальностей, и Георгию здесь делать будет нечего. Эта здравая мысль привела меня в такое уныние, что я просидела весь день в своей комнате, читая новеллы Цвейга, лия слезы рекой и отчаянно себя жалея.

Вечером к нам внезапно зашел Георгий. Чопорно поздоровавшись, передал бабушке целый чемодан каких-то бумаг, которые, как он сказал, могут представлять интерес только для старожилов. Благодарная бабушка не отпустила его без традиционного чая, и он просидел почти час за одним со мной столом, умудрившись ни разу на меня не взглянуть. Это было обидно и горько, и я тоже молчала, нахохлившись и уткнувшись в свою чашку. Наконец гость ушел, но вместо облегчения мне стало еще хуже, и я ушла в свою комнату, чтобы как следует выплакаться.

С больной от слез головой через пару часов спустилась вниз, чтобы умыться. В зеркало на меня посмотрела унылая, раскисшая девица с распухшим носом и заплаканными глазками. И чего я реву? Ну, уедет Георгий, я его забуду и всё будет хорошо. Возможно, мне повезет и я встречу славного парня без наполеоновских планов в голове, который полюбит меня и будет ценить. Хотя вряд ли я полюблю его так отчаянно, как сейчас люблю Георгия.

Это неприятное открытие и вовсе повергло меня в сущее отчаяние, и я снова уныло захлюпала носом. Спать совершенно не хотелось, и я осторожно, чтобы не разбудить бабушку, выбралась из дома. Луны не было, небо затянули низкие облака, и в саду царил почти полная тьма.

Скорее интуитивно, чем что-то видя, по засыпанной речным песком тропке я дошла до беседки и устроилась на скамейке, поджав к груди голые ноги. В легком сарафанчике было уже прохладно, и я пожалела, что не оделась потеплее. На еле видимом противоположном берегу мерцали редкие огни; по темной воде, изредка обмениваясь басовитыми приветствиями, плыли ярко освещенные маленькие суда и большие туристические теплоходы.

Дурманяще пахло медовой травкой, в изобилии высаженной бабушкой вокруг беседки. Мысли в голове текли вяло, отчаянно хотелось плакать. Ничего плохого вроде бы не происходило, но на сердце лежала такая чернота, что мне даже купаться не хотелось.

Вдруг в темноте что-то зашуршало, и я насторожилась. Не сказать, чтоб я чего-то боялась, но встретить ночью крысу не такая уж большая радость.

Но вот шорох раздался совсем близко и из темноты вырисовалась знакомая фигура. Я сжалась, не веря своим глазам. Георгий? Или мне это только кажется?

Он нерешительно постоял у входа, явно не замечая меня, потом прошел к противоположной скамейке и сел, уныло сторбив плечи. Я молчала, не зная, что мне делать. Сказать ему, что я здесь? А вдруг он пришел просто подумать? Но, с другой стороны, это же наш сад, и чужим здесь делать нечего.

Пока я раздумывала, он тяжелым жестом провел по лицу ладонями и что-то надсадно пробурчал себе под нос. Потом поднял голову и вздрогнул, наконец увидев меня.

– Это ты? – голос звучал так изумленно, что я невольно засмеялась.

– Нет, это мой фантом вышел погулять. Дома душно, а тут в самый раз.

Он рывком пересел ко мне и, проговорив:

– Нет, ты всё-таки жуткая соблазнительница! – принялся неистово целовать, стиснув меня дрожащими руками с такой силой, что мне стало трудно дышать.

Я была так рада его видеть, что даже не пыталась сопротивляться. И когда он уложил меня на узкую скамейку и лег сверху, уже полностью обнаженный, я не возражала. Я просто плавилась под его горячим телом, пока меня не пронзила острая боль.

От неожиданности я всхлинула и он, заглянув в мое искаженное болью лицо, что-то жарко прошептал и продолжил, стараясь двигаться мягко и невесомо.

Потом он повторял это еще несколько раз, пока на востоке не показалась розовая полоска зари. Он приподнялся, посмотрел на часы и мрачно сказал:

– А ведь через час мне уезжать. – И без перехода посетовал: – Я не хотел, чтобы всё получилось так. Просто не удержался. Извини!

Я не знала, как он хотел, поэтому молчала. Одевшись и подождав, когда я приведу себя в относительный порядок, горячо пообещал:

– Дай мне номер твоего телефона. Я тебе обязательно позвоню, когда ты приедешь домой.

Я продиктовала ему номер телефона, ничуть не надеясь, что он его запомнит. Чуть прикрыв глаза, Георгий повторил его, и, крепко поцеловав меня на прощанье, опрометью кинулся из сада.

Глава третья

Как я и думала, он не позвонил. В сентябре всех первокурсников отправили на картошку, и я целый месяц отпахала в колхозе со стандартным названием «Путь Ильича». Если таким путем должна была идти вся страна, то было понятно, почему в магазинах, по мамулиному выражению, красовалось только два товара: «килька в томате и продавец в халате». Колхозники пьянствовали круглосуточно, а бригадир не забывал всё сделанное студентами добросовестно поделить поровну среди членов своей бригады. А зачем нам что-то там платить? Так и на своих ничего не останется. Достаточно было и того, что студенты жили бесплатно, ютятся по двадцать человек на огромных, грубо сколоченных нарах, и питались в столовой какой-то жуткой бурдой, от которой у меня постоянно болел живот.

Но что дело было не в столовской пище, я поняла, когда приехала в октябре домой. Месячных не было вот уже два месяца, и передо мной встала жуткая проблема – что делать дальше? Матери о случившемся сказать было совершенно невозможно, она меня просто заест. Она же всегда предупреждала меня о мужской подлости и коварстве. Аборт? Об этом было страшно даже подумать.

Может быть, мне уехать к бабушке? Она меня примет, конечно, и не осудит, но как быть с учебой? Бросить? Но где тогда работать? В маленьком Пореченске работы не найти даже с большим стажем и высшим образованием, а кому я нужна со своими смешными одиннадцатью классами?

В ноябре я уже впала в такое состояние, при котором мне было совершенно всё равно, что там будет дальше. Мать на меня внимания не обращала, она почти каждый вечер после работы ездила через весь город к Константину, третируя его сожительницу и требуя, чтобы ее сынульке доставалось всё самое лучшее. Я уже в то время думала, что бедная Тамара в таких условиях долго не продержится. Уж с ее-то квартирой вполне можно найти нормального мужика без третьего лишнего. Со временем так и случилось, а пока мамули не было дома, я имела возможность если и не вздохнуть спокойно, то и не паниковать каждый раз.

В начале декабря приехала бабушка. И всё поняла с первого взгляда. Животик у меня был уже вполне приличный. Тогда я не знала, что у меня двойня, и думала, что на четвертом месяце они у всех такие. Бабушка ни о чем меня не спросила, но, погостив всего несколько дней, уехала, а через неделю появился Георгий.

Он ждал меня после занятий у входа в институт, с каменной физиономией рассматривая всех выходящих из вестибюля. Погруженная в свои невеселые думы, я не смотрела по сторонам и испугалась, когда меня кто-то резко ухватил за локоть. Обернувшись, я почувствовала, как у меня мутнеет в глазах, и обессилено пошатнулась. Георгий поспешно подвел меня к скамейке и усадил. Сев рядом, с непонятным выражением лица спросил:

– Как дела?

Мне хотелось плакать, но я привычно растянула губы в надменной улыбке:

– Прекрасно!

– А рожать когда собираешься?

Я недоуменно уставилась на него. Об этом я вовсе не думала. Это было совершенно по-детски – прятать голову в песок, но мне почему-то казалось, что всё как-нибудь утрясется само собой.

Поглядев в мои озадаченные глаза, он проговорил:

– Что ж, всё понятно. – И со словами: – Пойдем, на скамейке сидеть слишком холодно! – поднял меня и повлек по улице.

– Где ты живешь?

Я испуганно заявила:

– Ко мне идти не надо. Мама ничего не знает. И я не хочу, чтобы она узнала.

Он скептически пожал плечами. В его голове никак не укладывалось, как это можно ничего не знать, когда всё уже заметно. Но настаивать не стал и повел меня в кафе.

В тепле я несколько расслабилась, и плакать мне расхотелось. Наоборот, мне стало ужасно стыдно. Будто я сделала что-то жутко непристойное. И, хотя Георгий меня ни в чем не упрекал, мне казалось, что он безмолвно винит меня в том, что случилось.

Взяв мне бифштекс с пюре, он приказал:

– Ешь!

Есть мне не хотелось, но он тихо заметил:

– Тебе ведь надо есть за двоих, ты и так дошла до точки.

Я и в самом деле очень сильно похудела за последнее время. И от переживаний, и от недомогания. Поневоле принявшись за еду под его настойчивым взглядом, довольно быстро справилась с порцией.

Он предложил:

– Еще хочешь?

Я отчаянно замотала головой и выпалила, не сдержавшись:

– Зачем ты здесь?

Георгий с изумлением посмотрел на меня. Но ответил осторожно:

– Ну, скажем так, прояснить обстановку.

Подспудно я надеялась на другой ответ, поэтому совсем сникла.

С неожиданным сочувствием погладив меня по руке, он предложил:

– Пойдем к тебе, надо же познакомиться с твоими родителями.

Этого мне нисколько не хотелось, о чем я ему и сказала, но он непреклонно заметил:

– Так положено, знаешь ли. Теоретически я с ними уже знаком, они как-то приезжали в Пореченск, когда я навещал бабушку, но это было давно. Ну, пошли?

Это прозвучало так властно, что мне ничего не оставалось, как подняться и пойти за ним.

Дома были мать и отец. Как всегда, игнорировавшие друг друга. Мамуля с откровенным неодобрением посмотрела на Георгия и враждебно мне заявила:

– Я тебе сто раз говорила: не води сюда своих хахалей!

Я сразу покраснела. Можно было подумать, что они у меня есть.

Не моргнув и глазом на это милое приветствие, Георгий чинно представился:

– Мы с вами знакомы. Я Георгий, внук Анастасии Ивановны, надеюсь, вы ее помните.

Мамуля подозрительно сощурилась.

– И что вам надо?

Георгий к такому не привык. Наверняка все его знакомые относились к нему если не с любовью, то с уважением. Но он корректно ответил:

– Просто хочу возобновить старое знакомство.

Он ничего больше не добавил, и я была ему за это благодарна. Мамуля никогда не церемонилась с моими подругами, но на сей раз она превзошла саму себя. Может быть, чувствовала, что скоро все домашние дела ей придется делать самой?

В общем, она совершенно неприлично рывкнула:

– Ну, а я никакие знакомства возобновлять не хочу. Так что иди отсюда!

Георгий чуть насмешливо возразил:

– А меня не вы приглашали, чтобы выгонять. Меня пригласила Рита.

Мамуля и вовсе взбеленилась:

– Вот когда у этой Риты будет своя квартира, тогда пусть и приглашает в нее кого попало, а пока что она сама живет в моей квартире!

Я думала, что он повернется и уйдет, ведь агрессивный напор моей мамы еще никто не выдерживал, но Георгий повернулся ко мне и спокойно скомандовал:

– Собирайся, поедешь со мной! И бери всё, потому что сюда ты больше не вернешься. Правильно говорит твоя мать – у тебя должна быть своя квартира!

От этих слов мамуля просто офонарела. Будто очнувшись от транса, я неуверенно посмотрела вокруг. Георгий стоял прямой и твердый, как скала, с откровенным сарказмом глядя на мою побагровевшую от гнева мать. Но тут на шум вышел отец. Я ожидала, что он прикрикнет на меня, ведь он никогда не шел против матери, но он неожиданно произнес:

– Да пусть, пусть идет. Ты же Риту всегда терпеть не могла. Так что считай, что наконец-то от нее избавилась.

Пока мать очухивалась от этих беспардонных слов, скинувших ее с пьедестала любящей и заботливой матери, я метнулась в свою комнату. Вытащив чемодан, методично принялась кидать в него всё, что попадалось под руку. Затем в ход пошла большая сумка, потом пара мешков из-под сахара. Наконец были уложены последние тетради, и я с ужасом посмотрела на гору вещей, выросших у порога.

Непробиваемо спокойный Георгий вызвал грузовое такси. Когда я вышла в коридор, мать вдруг обо всем догадалась.

– Да ты беременна! Я-то думаю, что ты толстеешь, как корова, а ты просто залетела, идиотка! – она бы добавила много чего такого же «заботливого», но тут Георгий сухо заметил:

– И вы только что об этом догадались? Ну что ж, тогда это для вас сюрприз. Надеюсь, приятный.

Тут подъехало заказанное им такси, и он с отцом принялись носить вниз мои вещи. Я выбежала первой, не желая выслушивать материны оскорбления. Быстро погрузив вещи, Георгий усадил меня в кабину, сам устроился в фургоне и мы отправились в путь.

После получаса езды приехали в небольшой старый двор. Я в этом районе даже и не бывала никогда. Единственное, что знала – здесь еще до революции жили преподаватели классического университета. Георгий поднял вещи на третий этаж, взбегая зараз с двумя сумками в каждой руке. Скоро и я зашла в огромную квартиру.

Она была очень прилично по тем временам обставлена. Я сдавленно прохрипела:

– Чья это квартира? Тебе разрешили здесь пожить?

Занеся последний мешок, он хмуро ответил:

– Это квартира профессора, друга детства отца. Он переехал в Москву и предложил мне здесь остановиться. Очень кстати, как оказалось.

Действительно, это было очень кстати. От пережитого меня неудержимо потянуло в сон, и я, едва приняв душ, шлепнулась в приготовленную им постель и тут же уснула.

Проснувшись уже поздно вечером и не сразу поняла, где я. Сообразив, горестно вздохнула. Вот и Георгию испортило жизнь мое легкомыслие. Но, может быть, еще не всё потеряно? В принципе, ничего страшного не случилось.

Умывшись, я прошла к нему в большую комнату. Он сидел за столом, просматривая толстенный том и делая выписки. Подойдя поближе, я заглянула к нему через плечо. Книга была на английском языке. Я снова почувствовала глубину пропасти, лежащей между нами.

Он резко повернулся, и на мгновение его лицо осветилось настоящей радостью. Но это, скорее всего, мне просто померещилось – с чего бы ему радоваться? Ему огорчаться полагается. Встав, он учтиво предложил мне поесть. Но я отказалась, предложив:

– Давай сначала поговорим.

Он молча кивнул головой, указав мне на удобное кресло, стоявшее напротив. Я села и, переведя взглядом в пол, спросила:

– Что ты собираешься делать дальше?

Он печально мне улыбнулся:

– Посмотрим. Ты сможешь пожить здесь немного одна?

Я не решилась спросить, сколько продлится это «немного», и бравурно ответила:

– Конечно.

– Это хорошо. Твоя мать всегда такая?

Признаваться было неудобно, но и скрывать не было смысла:

– Всегда.

Посветлев, Георгий признался:

– Теперь понятно, почему я так и не смог с тобой поговорить. Я звонил тебе почти каждый день, иногда даже очень поздно, но ответ был один: тебя нет дома.

Мне стало так легко, что я чуть не запела. Он не забыл про меня! Просто мамуля считала, что мне ни к чему назойливые поклонники.

Вечером он уехал. Меня обуяла тоска, но страха уже не было. Я знала, что Георгий позаботится обо всем. Конечно, он на мне не женится, зачем ему настолько себя связывать, но наверняка будет мне помогать.

Возможно, пару месяцев я поживу в этой квартире, а потом сниму где-нибудь комнатку и буду жить в ней с малышом. Пойду работать, а учиться можно будет и на заочном. В одиночку это нелегко, но справляются же другие, значит, смогу и я.

Я осторожно прошла по квартире. Это были просто барские хоромы – пять огромных комнат, высоченные потолки. Устроившись на кухне, я впервые с аппетитом поела, мысленно благодаря Георгия за заботу – перед отъездом он сбегал в магазин и купил почти всё, что можно было купить по тамошним голодным временам.

Через неделю, придя после занятий в свой временный дом, я увидела Георгия. Он распаковывал связки книг, что-то негромко насвистывая. Сначала я ничего не поняла и осталась ошеломленно стоять посредине комнаты. Поздоровавшись, он спросил меня о самочувствии и попросил помочь разобрать книги. Я принялась ему помогать, то и дело с недоумением на него взглядывая. Стараясь ни на что не рассчитывать, осторожно спросила:

– А зачем ты привез сюда столько вещей?

Ставя собрание сочинений Льва Толстого на самую верхнюю полку, он пояснил:

– Буду жить здесь. С тобой.

У меня дреблю на высоких оборотах что-то зазвенело в ушах, и я едва смогла прошептать:

– Но ты же хотел закончить аспирантуру в МГУ?

Удовлетворенно посмотрев на ровные ряды книг, Георгий спокойно произнес:

– Ну, раз так получилось, то буду работать здесь, а аспирантуру можно закончить и заочно. Я уже устроился в один здешний НИИ. Меня порекомендовал этот самый профессор, квартиру которого я купил.

Я почувствовала себя вовсе плохо и распластано шлепнулась на диван, растирая ноющие виски. Он тут же присел рядом, обеспокоенно глядя на меня.

– Тебе нехорошо?

Мне действительно было нехорошо, но я бодро его уверила:

– Нет, всё прекрасно! Просто я не понимаю, зачем ты это делаешь?

Он поправил:

– Уже сделал. Просто я порядочный человек, только и всего. Раз уж так получилось, – он указал ресницами на мой выпирающий живот, – то нам надо пожениться.

Я почувствовала себя последней негодяйкой, сломавшей жизнь хорошему парню. По лицу побежали жгучие слезы, и я кинулась в ванную, всхлипывая на ходу. Георгий принял мои слезы за слезы облегчения, потому не бросился за мной, чтобы утешить, а спокойно продолжил разбирать привезенные с собой вещи.

Отреветившись, я вышла, пряча виноватые глаза. Мы поужинали, потом я засела готовиться к своей первой в жизни сессии, а он закрылся в комнате, которая, как я поняла, стала его кабинетом. Она и при бывшем хозяине была кабинетом, там по стенам тянулись внуши-

тельные застекленные шкафы для книг, теперь наполовину пустые, а в углу стоял очень красивый полированный письменный стол из неизвестной мне породы дерева.

Мне чертовски хотелось узнать, откуда у простого аспиранта деньги на такую роскошную квартиру, но я постеснялась.

К тому же мне нужно было привыкнуть к мысли о скором замужестве. Стоило бы спросить у Георгия, как он представляет себе нашу свадьбу, но я не смогла переломить себя и спрашивать его о таких вещах. Еще решит, что я его понуждаю.

Меня беспокоила и сама предстоящая процедура. Устраивать помпезную свадьбу – только людей смешить, ведь через месяц меня раздует так, что любой догадается о причинах нашей женитьбы.

В одиннадцать я еще тихонько сидела за столом, не зная, как мне пробраться в спальню. Будет он со мной спать или нет? Это меня безмерно смущало, ведь несмотря на вполне реальную беременность, женщиной я себя не ощущала.

Но вот заскрипела дверь, и в комнату вошел Георгий. Проведя по моим волосам, ласково попенял:

– Всё занимаешься? Всё нужно делать в меру. Тебе необходимо соблюдать режим. Помни, что теперь ты не одна.

Я вскинула голову, робко ему улыбнувшись, и он, как-то утробно застонав, поднял меня и прижал к себе. Подхватив на руки, понес в спальню. Боясь упасть, я уцепилась за его шею. Стремительно стянув с меня платье, уронил меня на кровать и быстро улегся сверху. Даже не поцеловав, ткнулся в меня набрякшим членом. Мне было неприятно, но я терпела. С силой дернувшись несколько раз, он выгнулся и обессиленно упал на меня.

Мне было стыдно, душно и неудобно. Никаких других чувств я не испытывала. Георгий приподнялся, посмотрел на меня и что-то недовольно пробурчал себе под нос. Потом поднялся и пошел в ванную. Я почувствовала себя не то чтобы брошенной, но совершенно ненужной. Почему-то захотелось плакать, но это было уж вовсе лишнее, ведь всё хорошо, разве нет?

Но вот он вернулся и лег рядом. Я хотела встать, чтобы тоже принять душ, но он чуть слышно прошептал «подожди» и, обняв, уткнулся носом в мои волосы. Все мои тайные страхи и обиды тотчас улеглись, и я счастливо вздохнула, хотя меня и мучило мое несоответствие такому потрясающему мужчине.

Мне хотелось спать, и я была уверена, что и он сейчас уснет, но, к моему удивлению, Георгий мягко поцеловал меня в волосы, и его руки начали неспешно бродить по моему телу, заставляя ощутить непривычное и немного пугающее возбуждение.

Он делал это довольно долго, и я с искренним удивлением почувствовала, как содрогаюсь от удовольствия, когда его горячая рука накрыла мою набухшую, ставшую ужасно чувствительной грудь. Георгий мягко массировал ее, и мне вдруг стало очень жарко.

А когда он оторвался от подушки и начал целовать меня с истинной нежностью, я даже застонала от неизвестного мне, но крайне приятного ощущения. Он ласкал меня долго и настойчиво, мне даже на мгновение показалось, что так можно ласкать только очень любимого человека, и когда наконец очутился сверху, я хотела его гораздо больше, чем он меня.

Тело само выгнулось дугой, я что-то несвязно вскрикнула, и он, несколько раз дернувшись, освобождаясь от распиравшего его семени, обессиленно упал рядом и неожиданно сказал:

– Вот как это должно было быть у нас в тот первый раз.

Я покраснела жаркой удушливой волной. В его голосе слышится сожаление? Но о чем? Я же не виновата, что он пришел тогда в нашу беседку? Или виновата, потому что мне надо было сразу уйти? Если бы я ушла, ничего этого бы не было.

Учиться мне было трудно. Беременность была не сказать чтобы тяжелой, но и легкой мне она не показалась. Порой мне было проще дойти до института пешком, чем ехать на укачива-

ющем меня автобусе, но я ни на что не жаловалась. Одно то, что я была замужем за Георгием, делало меня потрясающе счастливой.

Рожала я в городском роддоме. К этому времени меня разнесло так, что я несколько раз спрашивала свою гинекологиню, ведущую меня до родов, не может ли у меня быть двойни. Но она самоуверенно отвечала, что плод один и ругала меня за то, что я слишком много ем.

Я старалась есть меньше, но меня начинало просто шатать от голода, и я набрасывалась на еду еще больше, чем до вынужденного воздержания. Заметивший мои мучения Георгий решительно запретил мне проводить эксперименты над собой и ребенком. Если хочется есть – значит, надо есть, потому что природа всё равно мудрее всех врачей вместе взятых.

Оказалось, что он был совершенно прав. Когда принимающий роды врач, кстати, редкий в те времена в данной отрасли мужчина, сказал мне, что родился мальчик, я обрадовалась, но мне всё-таки казалось, что это не всё. Полежав на столе, сказала об этом акушерке, та скривилась, но, чтобы утешить глуповатую первородку, приложила к моему животу деревянную трубку.

Послушала с минуту, сделала круглые глаза и рысью побежала за врачом, который уже ушел в ординаторскую. Тот появился тут же, осмотрел и велел мне тужиться как можно сильнее. В общем, через пять минут родился еще один мальчик.

Ожидавший внизу Георгий потом рассказывал мне, что ему сообщили о сыне, и он, довольный благополучным исходом моих мучений, уже хотел идти домой, но тут вышедшая из приемного покоя медсестра сказала ему, что у нас двойня. Он был немало удивлен, ведь в родне ни у него, ни у меня близнецов никогда не было.

Дети были почти одинаковыми – по три килограмма и один пятьдесят, другой пятьдесят один сантиметр. Принимавший роды врач был очень доволен и говорил мне, что я просто создана рожать детей. Но мне, если честно, повторять сей подвиг вовсе не хотелось.

Вернувшись домой, я первым делом отправилась в женскую консультацию и попросила перевести меня от моей слишком самоуверенной гинекологини. Удалось мне это с большим трудом – только после решительного вмешательства мужа.

Георгий поговорил с заведующей женской консультацией, причем сделал это он с глазу на глаз за закрытыми дверями, и после этого меня перевели к самой молодой, только-только после мединститута, девочке, видимо, в порядке наказания заслушание. Но я была довольна – она оказалась почти моей ровесницей и понимала меня гораздо лучше, чем прежняя высокомерная врачиха.

Дети росли довольно спокойными, особых хлопот мне не доставляли, но меня беспокоил Георгий. Мне часто казалось, что он равнодушен не только ко мне, но и к нашим мальчишкам, что им движет исключительно долг. Но это было вполне понятно – ведь именно их незапланированное появление на свет и заставило его, как честного человека, жениться на их недоразвитой мамашке, отказавшись от своих грандиозных планов.

Иногда он смотрел на сыновей со скрытым чувством то ли вины, то ли досады, я была слишком молода, чтобы в этом разобраться. Георгий вообще был человеком скрытным и, если считал, что прав, переубедить его не было никаких сил. Да я и не пыталась, с радостью подчиняясь его решению.

Для меня он всегда был самым умным, самым образованным, самым лучшим любовником, и, безусловно, самым безукоризненным мужем. Недостатков я не замечала, хотя Шура считала его заумным зазнайкой. Но она была старше Георгия на пару лет и на правах старшей сестры могла позволить себе дерзкие замечания.

Хотя Георгий и не выказывал особо пылких чувств к детям, отцом он был хорошим. Когда у него было время, он отводил и приводил малышей в детский сад. В школе всегда сам ходил на родительские собрания, потому что считал, что сыновьям обязательно нужна твердая отцовская рука.

Благодаря его неустанному попечению дети и впрямь росли хорошими ребятами. Были, конечно, мелкие неприятности типа выбитого на перемене окна или случайной двойки в дневнике, полученной из-за поздно закончившейся накануне тренировки, но это были такие мелочи, на которые я не обращала никакого внимания. И когда мальчики с отличием закончили школу и поступили в МГУ, я гордилась ими не меньше, чем мужем. Ведь, положа руку на сердце, это была главным образом его заслуга.

...С трудом вырвавшись из обуявших меня химер прошлого, я упрямо тряхнула головой и пошла дальше, пока не показалась другая, более пологая тропа, полузаросшая мятликом и пыреем. Осторожно спустившись по ней, оказалась на узкой, шириной не более пяти метров, полоске берега. Здесь никого не было.

Оставив полотенце на прогретом валуне, медленно зашла в воду и поплыла, старательно огибая место, где со дна били ледяные струи родников. Но и там, где я плыла, теплая вода была лишь сверху, и нырять я не рискнула. Всё же я далеко не та девчонка, что бесшабашно ныряла в самую гущу ледяной воды.

Медленно плывя вдоль берега, чувствовала, как из груди уходит мертвящая тоска, вымываемая чистой водой. Может, всё еще образуется? Не с Георгием, это уже, пожалуй, невозможно, но с кем-нибудь другим? Ведь есть же еще в России порядочные мужчины? Или нет?

Стараясь не растерять принесенной водой оптимистичности, вышла на берег, обернулась полотенцем, крепко завязав его узлом на бедрах, и стала взбираться по склону, то и дело цепляясь за ветки растущих вокруг кустов дикой смородины. Посмотрев налево, на ту тропку, по которой поднималась в молодости, удрученно вздохнула. Подъем по ней доступен только обезьяне.

Войдя в дом, стянула мокрый купальник, надела легкие брюки с майкой и принялась за уборку. Солнце уже садилось, а я всё еще трясла, выбивала, стирала и мыла. Устала жутко, всё-таки такими интенсивными физическими упражнениями мне заниматься не доводилось.

Под конец дня я покрылась потом и пыхла, как толстуха на марафонской дистанции, но зато в голову не лезли мысли о собственной ущербности и бесталанности.

К десяти часам вечера дом был в относительном порядке, можно было приниматься за сад, но этим я решила заняться завтра. Вспомнив, что за весь день не съела и крошки, захватила с собой кусок хлеба и прошла в сад, глянуть, что там мне бог послал.

Послал он мне малины, крупной садовой земляники и уже вполне съедобных яблок золотой китайки. Набрав туесок, устроилась в той самой беседке, где и были зачаты мои близнецы.

Вокруг всё было почти так же, как семнадцать лет назад, но теперь, оценивая происшедшее глазами взрослой женщины, я себя ни в чем не винила. В то время я не сделала ничего, чтобы соблазнить Георгия. И мое чувство вины было вызвано его словами, но не моими поступками. И отвечает за случившееся только он.

В конце концов, он старше меня почти на шесть лет и в те времена уже имел приличный сексуальный опыт. И к этой беременности, из-за которой ему пришлось на мне жениться, его привело собственное вожделение. Прекрасно зная, что соитие может быть чревато определенными последствиями, он не сделал ничего, чтобы их предотвратить. Мог бы просто уйти, в конце-то концов.

А что было бы, уйди он тогда или не приходя вовсе? Скорее всего, мы больше никогда бы и не встретились. Я жила бы другой, неизвестной мне жизнью, которая, вполне возможно, была бы ничуть не хуже.

И уж, конечно, я не выскочила бы замуж в восемнадцать лет, так и не узнав, каково это, когда за тобой ухаживают мужчины, приглашают на свидания, дарят цветы, признаются в любви сами, по собственной инициативе, не дожидаясь моих конфузливых вопросов.

Так что можно считать, что это Георгий испортил мне жизнь, а не я ему.

Осознание этого принесло моей душе горьковатую удовлетворенность. Значит, уверенность, что я бесстыдно завлекла его к алтарю, просто иллюзия, внушенная мне Георгием. При моем воспитании и неумении отстоять собственное «я» мне всегда можно было внушить всё, что угодно.

Стемнело, и на противоположном берегу зажглись еле видимые огни большого города. Они манили к себе, как обещание призрачного счастья. Как обманные болотные огоньки – приблизишься, а они исчезают, и вновь появляются уже на новом месте, вдалеке от прежнего.

Как всегда во времена неприятностей, есть мне совершенно не хотелось. Заставив себя проглотить кусок хлеба, чтобы поддержать силы, я положила подбородок на теплые балясины, окружавшие беседку. Руки от непривычной нагрузки мелко подрагивали, и мне пришлось несколько раз потрясти кистями, стряхивая напряжение.

Воздух был чист и свеж, тишина прерывалась только пением какой-то ночной птички, и я расслабилась, внушая себе мысль о заслуженном покое. Но сквозь усталость всё равно прорывались страдальческие мысли, и я пожалела, что не взяла с собой коньяка или другого успокаивающего в этом роде. Хотя я и не пью, но этот тот самый случай, когда можно.

Вернувшись в дом, заперла на засов двери и посмотрела на сотовый телефон, оставленный мной на кухонном столе. На его дисплее несколько раз высветился неотвеченный вызов с номером Георгия. И зачем он мне названивал? Хотел продолжить наш «приятный» утренний разговор? Нет уж, спасибо, хватит с меня дурацких обвинений.

Не хочу я больше быть виноватой. Я его на мне жениться, между прочим, не просила, как и в беседке не обольщала. Снова нахлынула мучительная боль, и я решительно поставила запрет на входящие звонки от Георгия. Больше я с ним разговаривать не хочу. Никогда!

Стараясь успокоиться, принялась разбирать привезенные с собой вещи. Ничего особенного в них не было, если не считать затолканных на самое дно двух вечерних платьев, надевать которые здесь было абсолютно некуда. Озадаченно на них посмотрев, я утешила себя тем, что не взяла с собой шубу, это говорит о том, что если я и была в прострации, то не вовсе уж безнадежной.

Разложив привезенное белье по полкам старого шифоньера и аккуратно развесив по плечикам одежду, легла спать, нервно прислушиваясь к окружающим меня со всех сторон ночным шорохам. Сообразив, что теперь я буду спать одна очень долго, возможно, всю оставшуюся жизнь, чуть не заплакала, но сдержалась. По крайней мере, никто не будет храпеть над ухом. Хотя Георгий и не храпит, но когда-нибудь же это случится. Хотя теперь мне этого и не узнать.

Старый дом поскрипывал, на что-то скорбно жалуясь, и я долго не могла уснуть, стараясь убедить себя, что так и должно быть. Почему-то в детстве и юности этих звуков не было, или я просто не обращала на них внимания. Но в те времена я никогда и не ночевала в доме одна. Но всё-таки вскоре усталость и тяжелый день взяли свое, и я задремала.

Проснулась на рассвете от яркого солнца, бившего в незашторенное окно. Ругая себя за забывчивость, встала, задвинула шторы, и снова легла. Но спать больше не хотелось. Подумать только, еще позавчера в это время я спала под казавшейся мне такой надежной рукой мужа!

Запретив себе ныть, решительно поднялась, преодолевая тяжкую хандру, умылась и отправилась в сад наводить порядок. К обеду руки, хотя и в хозяйственных перчатках, были исколоты чертополохом и другим зеленым воинством, сражавшимся со мной с отчаяньем обреченных. Но всё же четверть сада расчистить мне удалось.

За неделю приведу его в порядок, и буду продавать дом. И тут в голове полыхнула жаркая мысль – или не буду? В конце-то концов, дом-то оставлен бабушкой мне, а не мамуле. Значит, я могу делать с ним всё, что хочу. А я его продавать не желаю!

К тому же, рассуждая здраво, жить мне негде. Конечно, Георгий не приведет в свою квартиру подругу немедленно, но рано или поздно он это сделает.

А мне этого просто не перенести. Значит, надо искать жилье. Квартирu снимать бессмысленно, не свое это не свое, а на новую у меня денег не хватит. Выход один – жить здесь. Чем больше я об этом думала, тем больше и больше мне нравилась эта идея.

А что? Вполне реально. Ездить в Нижний можно не каждый день, пары раз в неделю вполне достаточно. Я посмотрела вокруг и порадовалась, что приехала сюда. Здесь мою боль исцеляло всё – от привольно раскинувшейся реки до жаркого солнца, пробивавшегося сквозь кроны старых деревьев.

На следующий день я сделала то, на что накануне у меня просто духу не хватило – пошла на кладбище к бабушке. Могилу нашла быстро – ее положили к мужу, моему деду, к которому мы с бабушкой ходили каждый месяц. Закрытая тяжелой мраморной плитой могила имела теперь не одну, а две надписи.

Присев на низенькую скамеечку у памятника, я не стала сдерживать слез. Только сейчас, глядя на родное мне имя, я поняла, что больше близких людей у меня нет. У сыновей своя дорога, родителям с братом я никогда нужна не была. Даже любовь ко мне Георгия оказалась лишь моей жалкой шизофренической выдумкой.

По сути, я одна на всем белом свете. Может быть, в этом моя вина? Но что я делаю не так? Мысли перескакивали с одного на другое, как небольшой водопад, не давая ни на чем сосредоточиться.

Положив руку на надгробный камень, я негромко сказала, будто бабушка могла меня слышать:

– Спасибо тебе, моя родная. За любовь, за заботу. За то, что ты никогда меня не предавала. И за дом, конечно. Я постараюсь сделать всё, что в моих силах, чтобы его сохранить!

Встав, еще раз подумала, каким же опытным конспиратором оказалась бабушка – весь последний год живя у мамули в моей бывшей комнате, она никому не проговорила о том, что завещала дом только мне.

А ведь я приезжала к ней почти каждый день, мы подолгу гуляли, ходили на спектакли и концерты и возможностей конфиденциально сообщить мне о завещании было множество. Но она прекрасно знала, что после такой новости я не смогу прямо смотреть в глаза мамуле.

Оставив на могиле четыре срезанные мной в саду гвоздики, я пошла дальше. Родственников здесь лежало много – прадеды, тети, дяди. Двоюродные, троюродные. Почему-то все, кто родился в Пореченске, просили похоронить их на местном кладбище, и, бывало, печальные грузы шли сюда со всех концов страны. Вот и бабушка захотела лежать здесь, рядом с дорогим ей человеком.

Разложив цветы по могилам и приведя в порядок те, которые в этом нуждались, я пошла домой, медленно передвигая ноги. У меня было отвратительное чувство, будто я только что проводила в последний путь свою дорогую бабушку. В прошлый раз было легче – тогда со мной был Георгий, понимающий и сочувствующий.

Снова в голову полезли неприятные сомнения, а действительно ли понимающий и сочувствующий? Если он относился ко мне так, как говорил, то один этот городок должен был вызвать в нем море негативных чувств. Думать об этом было так больно, что я ускорила шаг и, дойдя до дома, принялась за тяжелую работу, с потом выгоняя душевную немочь.

В полдень, прерывая мой трудовой энтузиазм, в животе что-то требовательно заурчало, и я покорно поплелась к дому. Проверив свои продуктовые запасы, выкинула почти всё – без холодильника при жаркой погоде даже хлеб за ночь покрылся желто-зелеными пятнами плесени. Пришлось отправиться в ближайший магазин.

Медленно пошла по знакомой с детства улице. Всё так же над головой шумели огромные корявые липы и, если не смотреть направо, где за старыми купеческими особняками высились до безумия скучные серые пятиэтажки, то можно было даже вообразить, что всё по-прежнему.

И я, маленькая тихая девочка, послушно иду в магазин за хлебом по просьбе своей нестарой еще бабушки. Мне даже захотелось поскакать и тихо помурлыкать что-нибудь себе под нос, и я с трудом сдержалась. Интересно, что скажут прохожие, вздумай тетя вроде меня попрыгать по улицам на одной ножке?

За прошедшие годы в магазине почти ничего не изменилось, только вместо медлительной тети Маши за прилавком стояла молодая, но не менее медлительная бабенка. На меня поглядывали, но не заговаривали. Я тоже молчала. Не узнают, и не надо. Хотя я заметила несколько знакомых лиц, но подходить и заговаривать не стала. Всему свое время.

Придя домой, с горечью подумала, что нужно было взять с собой походный холодильник. Вполне бы подошел. А теперь придется как-то обходиться без него, потому что покупать новый я себе позволить не могу. Нужно подкопить денег, чтобы отдать матери и брату их доли.

Теоретически я это делать не должна, но вот как это сделать практически? Не отдать им деньги значило разорвать с ними все отношения, а хочу ли я этого? Вопрос был сложный, и я снова отложила его на потом.

Глава четвертая

Слегка перекусив, я решила устроить себе сиесту. Но не валяться в постели, хотя солнце пекло неимоверно, а искупаться. Снова, как и вчера, натянула сплошной купальник и, прихватив полотенце, медленно спустилась по тропке, стараясь не скатиться по ней на пятой точке.

У пляжа, как раз напротив того места, где я привыкла плавать, в метрах в ста от берега стояла большая яхта, из тех, что ходят по морю. Вся белая, с синей ватерлинией вокруг корпуса, с высокими мачтами, сложенными белыми парусами, она казалась ожившей сказкой.

Красивый кораблик, но лучше бы он кантовался где-нибудь в другом месте. Удовольствие от ожидаемого купания тут же пропало. Что за радость плавать под пристальными взглядами чужаков? Я далеко не девочка, чтоб форсить, как раньше.

Присев на валун, принялась рассматривать яхту. Она называлась «Маргарита», будто в мою честь. Забавно. Белая, изящная, яхта даже со свернутыми парусами была похожа на гордую птицу. Казалось, она совершенно пуста, как «Летучий голландец». Во всяком случае, за то время, что я ее разглядывала, на ее палубах не промелькнуло ни одного человека.

Мне даже захотелось доплыть до нее и подняться на борт, чтобы выяснить, так ли это, но тут на нижней палубе показался загорелый мужчина в белоснежном махровом халате, заставив меня посмеяться над своими глуповатыми фантазиями. Подойдя к высокому лееру, он небрежным жестом скинул халат на палубу, оставшись в одних синих шортиках, и красиво прыгнул с борта вниз. Прямо туда, где со дна били ледяные родники.

Ну и ну! Сразу видно, что он ничего не узнал ни о рельефе дна, ни о том, можно ли здесь плавать. Если перед этим он еще и загорал, то дело его плохо. Я посмотрела вверх. На палубе было пусто. Кричать и звать кого-либо на помощь бесполезно.

Действовать следовало предельно быстро, и, поеживаясь, я стремительно вбежала в реку. Чем дальше я подплывала к месту, где ушел под воду мужчина, тем холоднее становилась вода. Он до сих пор не появился на поверхности, и мне стало окончательно ясно, что придется нырять.

Задержав воздух, я опустилась в ледяную воду, молясь про себя, чтобы увидеть его сразу. На второй нырок у меня вряд ли хватило бы сил. То ли благодаря моим молитвам, то ли его удаче, но я его увидела. Он стоял солдатиком посередине толщи воды, уже не двигаясь, моляще протянув руки ввысь.

Дыхание у меня кончалось, к тому же мускулы еле двигались от обжигающего холода, поэтому, едва завидев его неподвижное тело, я без всякого пиетета схватила его за волосы. С силой оттолкнувшись, потащила вверх.

Он не двигался, что с одной стороны было хорошо, потому что не мешал мне плыть, а с другой страшновато – не опоздала ли я? Но вот под ногами почувствовалось дно, и мне пришлось ухватить его под руки, чтобы выволочь на берег. Мужчина был для меня слишком тяжел, и, честно говоря, прикасалась я к его холодному скользкому телу, уж слишком скользкому, как у лягушки, с брезгливым ужасом. Лишь уложив его на песок, уразумела, что его кожа намазана маслом для загара.

Уложив утопленника животом вниз на свое согнутое колено, я стала делать всё, что положено в таких случаях. Правда, только то, что смогла вспомнить. От волнения вспоминалось плохо, и я лишь надеялась, что не сделаю хуже. Хотя похоже было, что хуже уже некуда.

С трудом приоткрыв его судорожно сжатый рот, я со всей силы надавила на спину. Из утопленника фонтаном полилась вода. Несколько нажатий и – какое счастье! – он раскашлялся и задышал сам. Потом встал на четвереньки и его вырвало, после чего он упал на спину и стал молча смотреть в небо, видимо, не веря, что жив.

Мне не очень хотелось с ним беседовать, но я всё-таки спросила:

– Вам плохо или очень плохо?

Это было не совсем порядочно, потому что, если б ему было и вовсе плохо, больше помочь я ему ничем не могла. Тут нужен был толковый врач, а сотовый я оставила в доме. Да и какая скорая приехала бы сюда?

Он посмотрел на меня затуманенными глазами. Попытался что-то сказать, но не смог. Я призадумалась. Что мне теперь делать? Но тут с яхты послышались женские крики и шум. Наконец-то они обнаружили пропажу! Заскрипели цепи, и в воду шлепнулся ялик с людьми.

Подождав, когда они подплывут поближе, я, не дожидаясь их высадки, повернулась к своей тропинке и довольно быстрыми темпами взобралась обратно. Вдоволь поплавать сегодня не довелось, а жаль. Хотя грязь и пот я этим неожиданным купанием всё же смыла.

Я грешным делом думала, что спасенный попытается меня найти, чтобы поблагодарить, но ошиблась. В этот же вечер яхты на прежней стоянке не было. Я спокойно плавала на своем привычном месте, старательно обходя ледяные омуты, и невольно вспоминала крупное сильное тело, казавшееся в воде таким уязвимым.

Жизнь потекла так же, как и до моего неожиданного выступления в роли спасателя на водах. Сражаясь со своими химерами, я доводила себя работой до полного изнеможения, но всё равно мне каждую ночь снился невесть за что карающий меня Георгий, и часто поутру я вставала с неприятно стянутым от высохших слез лицом.

Через неделю решила заглянуть на чердак, куда в молодые годы меня никогда не пускали, а потом на это просто не хватало времени. Забравшись по приставной лестнице в узкий лаз, прищурилась от яркого солнца, лившегося в запыленное слуховое оконце. Приглядевшись, увидела множество старинных сундуков, стоявших вдоль стен.

Я твердо знала, что моя мать никогда не стала бы рыться в этом старье – ведь тут так грязно. Чтобы не расчихаться от пыли, я притащила ведро с водой и тряпки. Протерла сначала слуховое окно, затем сундуки, и, в последнюю очередь, дощатые некрашенные полы.

Открыв крышку крайнего сундука, я пугливо поежилась. Сверху лежал монашеская ряса. Не знаю, как это правильно назвать, я не сильна в церковном лексиконе. Черное бесформенное платье, черный капюшон. Я попыталась вспомнить, говорила ли мне бабушка о монахах в нашей семье.

О монахах не вспомнила, но на память пришел рассказ об инокине, ушедшей в монастырь после гибели жениха на войне. Какой войне, как звали эту мою родственницу, как ни старалась, вспомнить не смогла.

Горько пожалела, что в свое время не записала ничего из того, что мне рассказывала бабушка. У матери об этом и спрашивать нечего – ее семейные предания никогда не интересовали. Это же не имущество, за которое можно получить деньги.

Я встряхнула длинное одеяние, и мне почему-то захотелось его примерить. Не раздеваясь, натянула на себя грубое полотно прямо поверх футболки с шортами, на голову накинула черный капюшон, молитвенно склонила голову и сложила руки.

И внезапно почувствовала себя ужасно старой и отчаянно уставшей. Даже моя тень на стене сгорбилась и потемнела. Что это? Неужели одежда несет в себе энергетику давно ушедшего человека? Мне стало не по себе. Я принялась стягивать длинный бесформенный балахон, но он не поддавался, возможно, зацепившись за молнию на шортах.

Порвать ветхую ткань мне не хотелось, и я постаралась не торопясь выяснить, что же мне мешает его стянуть, но тут под окнами раздался шум и громкий стук в ворота. Я вздрогнула. Кто бы это мог быть? Георгий? Вряд ли. Поняв, что никак не смогу без потерь снять монашеское одеяние, осторожно спустилась вниз в нем. Стук раздался еще настойчивее, и я неохотно отворила ворота.

Стоявший за ними человек, увидев меня, испуганно вздрогнул. Конечно, в наших краях монашки встречаются не часто. Не заподозрив подлога, посетитель скованно поздоровался. На

нем были светлые брюки и легкая рубашка, и выглядел он как денди с модной картинки, но всё-таки я его узнала. Это был мой утопленник.

В воде, да и потом, оказывая ему первую помощь, я не очень-то его разглядела, поэтому сейчас видела как бы впервые. У него были длинноватые светло-русые с рыжеватым отливом волосы, и светло-карие, такие, про которые в любовных романах пишут – медовые, глаза. Правда, выражение их мне не понравилось, слишком уж много в них было высокомерия.

Но не это было главным. В мужчине чувствовалась сила. Даже мощь. Та, что делает королей королями. Это мне понравилось – я вообще уважаю сильных мужчин. В последнее время столько развелось слабаков, желающих спрятаться от жизни за женскую юбку, что встретить подобный экземпляр, хотя бы для того, чтобы увериться, что они не все еще вымерли, уже редкая удача.

В моей голове мелькнула торжествующая мысль: ага, нашел-таки! А я-то думала, что благодарность нынче не в чести. Приятно, что ошиблась. Приосанилась, готовясь к получению пылкой признательности, но тут же была опущена на грешную землю.

– Вы владелица этой усадьбы?

В права наследства я еще не вступила, потому владелицей себя назвать не могла.

– Нет. Но могу ей всё передать. А что вы хотите?

Он с сомнением посмотрел на меня. С некоторым недоверием протянул:

– Я Роман Пронин.

Я вздрогнула. Это имя даже мне было знакомо, я его поместье в Рублевке, оформленное одним из знаменитых дизайнеров Франции, внимательнейшим образом изучила по журналу «Идеи художественного дизайна». Да уж, мне только российских олигархов в своей веселой жизни и не хватает! Следующие его слова донеслись до меня, как угрожающий удар грома:

– Хочу купить этот дом вместе с участком.

Вот и ответ на чаяния моей маменьки. Но мои ли?

Вспомнив о законах гостеприимства, неохотно пригласила его внутрь. В большой комнате стояла старая, так нелюбимая мамулей мебель. Но мне она нравилась – основательная и надежная. Хотя изыска в ней не было ни на грош. Подозреваю, что ее своими руками смастерил кто-то из прадедов.

В центре комнаты стояло большое зеркало, и, увидев свое отражение, я тоже вздрогнула. Если бы я не была твердо уверена, что это я, не признала бы.

На бледном лице пронзительно горели синие глаза. Никогда прежде не замечала, что мои голубые, довольно невыразительные глаза могут быть такими яркими. При этом губы как-то потерялись, вытянувшись в узкую бесцветную полоску.

И все это обрамлялось черной унылой тканью, придававшей коже нездоровый сероватый оттенок. Мне чисто по-женски захотелось скинуть с головы так уродовавшее меня одеяние, и я с трудом удержалась, не желая прихорашиваться. Путь будет так, как есть. Для чего мне становиться краше? Что этот тип меня не узнал, несомненно к лучшему.

Повинуясь взмаху моей руки, Пронин сел за стол и неловко откашлялся. Он явно не рассчитывал на такую необычную компанию.

– Эээ... Вы, то есть хозяйка, не пожалеет, что продали дом. Я заплачу достойную цену.

Мне стало невесело. Хотя мамуля будет рада, конечно. Да и брат тоже.

– А что вы собираетесь делать с домом?

Он небрежно пожал плечами.

– Как что? Снесу, естественно. Поставлю нормальный коттедж. Спуск к реке приличный сделаю.

А вот это он зря. Мне и так не хотелось продавать дом, а теперь я и вовсе в этом уверилась. Вздохнув, медленно пообещала:

– Я передам ваши слова. Но не думаю, чтобы хозяйка продала усадьбу.

Он продолжал меня рассматривать с мистическим интересом, будто невесть откуда взявшийся призрак. С некоторой долей ужаса, а может быть, почтения, не знаю.

Считая, что разговор окончен, я встала. Но гость остался сидеть. Как-то странно покашливая, сконфуженно спросил:

– Вы не знаете, где здесь живет хорошенькая такая девушка? Голубоглазая, стройная, лет восемнадцати? Очень милая.

Таких в округе я не видела.

– Я здесь не живу и никого вокруг не знаю.

Он с сожалением скривил губы.

– Что-то никто ее не знает. Но не с неба же она упала?

Встал и, потеряв ко мне всякий интерес, прошел к воротам. Не глядя на меня, сел в ожидавшую его машину и уехал.

Мне стало досадно. Вот и спасай таких. Ни спасибо тебе, ни до свидания!

С трудом стянув с себя ветхую рясу, аккуратно уложила ее обратно в сундук, и тут меня осенило. А не меня ли разыскивал этот тип? Пусть мне далеко не восемнадцать и хорошенькой меня вряд ли кто назовет, но нужно сделать скидку на его тогдашнее состояние.

Странно, что он еще цвет глаз разглядел. Эта идея, поначалу показавшаяся мне абсурдной, постепенно начала приобретать вполне реальные очертания. Честно говоря, эта утопическая блажь согревала мое уязвленное самолюбие, доказывая, что не так уж я и плоха, как вообразил себе Георгий.

В субботу лил дождь, делая спуск к Волге опасным, но я всё равно решила искупаться. Придерживаясь за кусты, благополучно спустилась и поплыла, наслаждаясь мягким сопротивлением воды. Капли дождя мешали видеть, заливая глаза, и я закрыла их, плывя вслепую. Внезапно рядом раздался плеск весел и уже знакомый звучный голос произнес:

– Извините, это не вы вытащили здесь неделю назад человека?

Что за странный способ разговора?! Даже если бы я и захотела, то ответить не смогла. Дождь всё усиливался, не давая ни смотреть, ни говорить. Скрип уключин раздался совсем близко и я, глубоко нырнув, вынырнула уже возле берега. Быстро выйдя на берег, осмотрелась. С земли окружающее было видно несколько лучше, и я увидела недалеко от берега белоснежную яхту «Маргарита».

Ялик с красной полосой поперек уже причаливал вслед за мной к берегу, и я, почему-то испугавшись, кинулась к своей тропинке.

Пронин просительно закричал мне вслед:

– Подождите, не бойтесь меня, я вам ничего плохого не сделаю!

Но я, будто подстегиваемая кнутом, мигом взобралась по скользкому склону в свой сад и рванула к дому. Краем глаза видела, что он пытается подняться по моим следам, но у него ничего не получается, слишком уж скользко. Конечно, он же не взбирался по этой тропке тысячу раз, из них сотни – в полной темноте.

Заперевшись в доме, я перевела дух и подсадовала на саму себя. Почему я так странно себя веду? Будто мне не тридцать пять, а действительно всего лишь восемнадцать.

Вечером, как обычно, позвонила мальчишкам. У них всё было хорошо, а я с трудом задавала им привычные вопросы. Очень хотелось спросить их об отце, но я превозмогла это глупое желание. Они бы сразу догадались, что между нами что-то произошло, а мне не хотелось их волновать. Зачем? Что они могут сделать в этой ситуации?

К тому же я была уверена, что и Георгий думает точно так же, и ничего о крахе нашей семейной жизни детям не скажет. Во всяком случае, до тех пор, когда скрывать наш разрыв станет вовсе уж невозможным.

Следующий день был умытым и солнечным. Я собирала малину, вяло размышляя о необходимости съездить в Нижний за новыми заказами, как вдруг с тропки над Волгой появился мой утопленник. То есть спасенный, конечно, но это неважно.

Мне захотелось присесть, чтобы он меня не заметил, но было уже поздно. Увидев меня, он направился ко мне размашистыми твердыми шагами, будто решил взять в плен. У меня возникла спасительная надежда, что ко мне в середину малинника он всё же не полезет.

Он и в самом деле остановился подле отделяющей малинник от остального сада проволоки и пристально на меня посмотрел. На мне были старая рубашка Георгия, его же, слишком большие для меня джинсы, и размахившаяся по краям широкая соломенная шляпа. На носу большие очки от солнца. И походила я больше на старое огородное пугало, чем на нормальную женщину. Так что узнать меня было сложновато.

Неестественно тонким от волнения голосом я возмущенно спросила:

– Как вы сюда попали? Это мой сад, черт возьми!

Пронин сердито фыркнул.

– Я ваши яблоки воровать не собираюсь!

Меня его пренебрежение привело прямо-таки в священное негодование, и я вызывающебрякнула:

– А чем докажете? Вы же зачем-то забрались сюда? Может, вы постоянно это делаете?

Он посмотрел на меня, как на сбежавшую из психушки пациентку.

– Ничем я ваш бред опровергать не собираюсь. Я таких садилов, как этот, десятки тысяч купить могу.

Это хвастовство свежеепеченного нувориша разозлило меня так, что у меня руки зачесались надеть ему на голову корзинку с собранной мной малиной. И видит Бог, я бы это сделала, стой я с ним рядом. Но на его удачу нас разделял добрый десяток метров колючих растений, и мне пришлось ограничиться скептическим «хм».

После такого начала разговаривать ему со мной вовсе не хотелось, но он выдал из себя:

– Девушка здесь живет, симпатичная такая блондинка?

Уже не сомневаясь, что ищет он меня, я хмуро опровергла:

– Здесь живу только я. Но я далеко не девушка.

Он саркастично подтвердил:

– Вижу.

Это мне не понравилось. В конце концов, мог бы быть и пожеливее. Мило посоветовала:

– Шли бы вы себе обратно. Раз нужных вам девиц здесь нет, то и делать вам тут нечего.

Посмотрев на виднеющуюся вдалеке реку, Пронин с сомнением заметил:

– А я не скачусь вниз, ломая конечности?

Я ничем обнадежить его не смогла:

– Может, и скатитесь. Но сегодня сухо, не то, что вчера. Так что идите себе, идите! Не мешайте мне делом заниматься.

Поняв из моего пренебрежительного тона, что я считаю его жалким бездельником, Пронин посмотрел на меня с явным неудовольствием, зло пробормотал:

– Вот ведь язва! – и отправился обратно по тропинке.

Я прислушалась. Воплей и шума слышно не было, значит, спустился он нормально. Что ж, этого и следовало ожидать. И я неожиданно для себя вздохнула. Симпатичный экземпляр, жаль, что слишком молод. К тому же на яхте явно мелькала какая-то девица. Голос-то я уж точно слышала.

Да и в любом случае мы с ним не пара, так что встречаться мне с ним не резон. Ни к чему разочаровывать ни его, ни себя. Надо как-то замаскироваться до его отъезда. Не будет же он караулить тут вечно. Весьма разумно решив больше на берег не ходить и на стук никому не

открывать, надвинула шляпу пониже на нос, чтобы не обгорел, и продолжила обирать ягоды с колючих веток.

Вечером снова пришлось идти в магазин, хотя есть мне совершенно не хотелось. Но и голодать при столь интенсивной физической нагрузке я себе позволить не могла.

На этот раз я отправилась на центральную площадь Пореченска, в довольно большой по местным меркам магазин, гордо именуемый супермаркетом. Как обычно, в нем было пусто-вато. Редкие пенсионерки в нарядных платьях бродили между рядами, выискивая что подешевле.

Я же по городской привычке пришла в столь высокочтимое место в плебейских джинсах и футболке, чем заслужила осуждающие взгляды и порицающее перешептывание за спиной. Конечно, разве можно в моем почтенном возрасте ходить в столь неподобающей одежде да еще в приличный магазин?

Чуть посмеиваясь, я положила в корзинку хлеб, сыр, молоко и задумалась, стоит ли покупать двухсотграммовую пачку сливочного масла, ведь мне его всё равно быстро не съесть, а хранить негде, когда за спиной раздался глубокий голос Романа, что-то спрашивающего у продавщицы.

Вздвигнув, будто он застал меня за кражей творожного сырка, я стремительно вытащила из кармана темные очки и напялила их на нос, враз притушив и без того неярко освещенный магазин.

Заметив меня, он подошел поближе и принялся пристально разглядывать, заставив нервничать. Вот ведь черт его попутал припереться сюда в одно со мной время! Или, наоборот, меня? Стараясь держаться непринужденно, я встала перед мясным отделом, хотя там мне ничего не было нужно. Пронин, как пришитый, потянулся за мной, заставив меня слабонервно напрячься.

Мы стояли рядом и оба делали вид, что изучаем лежащую перед нами не слишком аппетитную колбасу. Пользуясь тем, что сквозь темное стекло моих очков Роман не мог проследить направление моего взгляда, я принялась разглядывать его отражение в огромном, во всю стену, чуть запыленном зеркале напротив.

Тогда, в реке, почти без одежды он тоже был ничего, но уж слишком походил на выкинутую на берег рыбу. А вот теперь, поигрывая развитой мускулатурой и широко расставив ноги, он привлекал меня куда больше.

В коротких джинсовых шортах, подчеркивающих четкую линию сухих ягодиц и длинные загорелые ноги, в черной борцовской майке, обнажившей трицепсы и бицепсы, он был практически неотразим.

Забыв, для чего я тут, я не могла оторвать взгляд от его отражения, внезапно почувствовав чисто сексуальное возбуждение. Пытаясь привести себя в чувство, насмешливо заметила, что веду я себя как истинная самка, почуявшая рядом с собой мощного самца.

Но насмешка не помогла. И я с вновь прорезавшейся горечью признала: будь я помоложе...

Внезапно он наклонился и с некоторым раздражением предупредил:

– Вы напрасно меня так прилежно разглядываете. Ничего вам не отломится, и не мечтайте. Меня подобные простушки никогда не привлекали.

Стремительно покраснев, я чопорно поджала губы и пошла прочь, всем своим видом выражая неудовольствие от его подзаборного воспитания. Он что-то негромко посвистел мне вслед, заставив ускорить шаг.

Заплатив за выбранные продукты, я направилась к выходу. Но уйти не успела, меня перехватила тетя Света, закадычная мамина подруга. Принялась расспрашивать меня о мамуле, отчего я была готова завывать. Тетя Света и без того славилась излишней словоохотливостью, а сейчас, найдя достойный повод для любопытства, атаковала меня по полной программе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.